

Владимир Янсюкевич
Шёпот стрекоз

Рассказы

Владимир Янсюкевич
Шёпот стрекоз (сборник)

«Издательские решения»

2015

Янсюкевич В.

Шёпот стрекоз (сборник) / В. Янсюкевич — «Издательские решения», 2015

Персонажи представленных в этом сборнике рассказов различаются и по возрасту и по психотипу. Однако объединяет их внутреннее стремление к самоутверждению, у каждого своя правда, своя надежда и свой путь к ней, свой «шёпот стрекоз».

Содержание

Картоха	6
Полет на автобусе	9
Приколы Алика Бредова	18
1. Неудача	18
2. «Террорист»	21
Шёпот стрекоз	27
1	27
2	31
3	41
4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Шёпот стрекоз
Рассказы
Владимир Янсюкевич

© Владимир Янсюкевич, 2015

© Владимир Янсюкевич, дизайн обложки, 2015

© Владимир Янсюкевич, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Картоха

Грянул дачный сезон, и каждый шестисоточный квадратик земли, как по команде, выставил к небу засидевшиеся городские задницы. Земля просыпалась от спячки и требовала, чтобы её щекотали лопатами и чесали граблями. Что и делали истосковавшиеся по земле огородники с каким-то болезненным остервенением, называемым в народе «синдромом дачника».

Алевтина Кудрявцева трубила на своём участке, как говорится, от холодов до холодов, не покладая рук, не чуя ног под собой. Не видя ничего вокруг кроме комьев сырой земли, пока однажды не рухнула, сражённая солнечным ударом. Так и ткнулась головой в ямку, вырытую ей же самой под кустик смородины.

В местной больнице, расположенной в пяти километрах от садово-огородного товарищества, в соседнем посёлке, Алевтине вкатили укол и посоветовали не зарываться, поскольку последствия могут быть куда более печальные.

Алевтина кивала, благодарила и твердила, словно молитву:

– Да уж поостерегусь, куда ни шло! Дай бог вам здоровья!

– Ты о своём здоровье кумекай, – пробасил старый фельдшер. – В следующий раз не приму! Так и знай!

Вернувшись на свой участок, Алевтина два дня просидела на скамеечке под яблоней, перебирая семена и сортируя рассаду. А к вечеру третьего поднялась и уткнулась в первую попавшуюся грядку.

Сосед её, ветеран войны, инвалид, видя такое дело, с трудом доковылял до прозрачного заборчика, разделявшего участки, и заговорил с ней.

– Не любишь ты себя, соседка! А где твои сыновья?

– Сыночки мои работают, Петрович. Денюжку добывают.

– И много добывают, извини за любопытство?

– На жизнь хватает.

– А муж?

– А что... муж?

– Он-то почему не пособляет?

– Он тоже... работает.

– Кому ты говоришь! Пьёт, поди, без просыпу! Ты не сердчай на меня. Я ведь это неспроста спросил. Хорошая ты баба. Жалко мне тебя. Чего это ты собираешься делать?

– Да вот морковку хочу посеять... Петрушку. Укроп. А там, за домом, картошечку посажу.

– На хрена! – не выдержал Петрович. – Этой картошки сегодня на базаре – завались! Хошь Рязанская, хошь Воронежская, хошь Орловская! Чего ты ломаешься почём зря, когда всё купить можно!

– Купить-то можно. А всё-таки, коли своя картошечка, и есть её веселей.

– Ну-ну, стало быть, для веселья тебе картошечка?

– Стало быть, так. Да как же, Петрович! Ведь землю-то дали не абы для чего, для посадки. Так чего ей зря пропадать!

– На даче надо отдыхать, Алевтина, а не корячиться изо дня в день, как последняя скотина! Ты своё отпахала!

– Ну, я отдыхать не умею, Петрович! – сказала Алевтина, как-то скорбно хохотнув при этом.

– Хорошая ты баба, но глупая, – заключил Петрович. – Спасу нет, прости господи! Да-да, глупая. Как этот столб!

Петрович ударил палкой по железному столбу в заборе, сплюнул с досады и заковылял обратно, к своей хибаре.

Вздохнула Алевтина тяжело, разогнулась, упираясь двумя руками в поясницу, глянула в небо – ан звёзды стали проглядывать. Сполоснулась под рукомойником и пошла в дом, ночевать.

На другой день, рано поутру, вышел Петрович на воздух и тут же наткнулся взглядом на согнутую пополам фигуру Алевтины.

– Доброе утро, соседка!

Алевтина разогнулась не сразу.

– Утречко доброе, Петрович!

– Ты, чай и не ложила?

– Ложила, Петрович, отдохнула... Да вот решила по холодку пару рядов картошечки посадить, – сказала Алевтина, смущаясь, и виновато развела руками.

– Неугомонная! Плети на тебя хорошей нет, – сказал Петрович не зло.

Алевтина печально улыбнулась и стала разгребать лунки под картошку.

– Ты её как садить собираешься – глазками или клубочками?

– Да целенькими хочю. Давеча на базаре синеглазку купила... Выбирала, которая получше.

– Да... – Петрович переступил с ноги на ногу, палкой придвинул к себе табуретку, стоящую у заборчика, присел. – Я тут, возле тебя посижу. Не возражаешь?

– Бог с вами! Сидите, отдыхайте. Вдвоём оно и веселей.

– Ты всё про веселье... Грустно жила, что ль?

– Грустно не грустно, а работала. На стройке. Бригаду каменщиков возглавляла.

– Всю жизнь с кирпичами, а теперь, значит, с картошкой. А ну, покажь, что садить будешь!

Алевтина взяла из ведра две картофелины и протянула соседу через заборчик.

Петрович сжал узловатыми пальцами одну из них.

– Хороша! Если б и уродилась такая!

– Бог даст, уродится.

– Так ведь ухаживать за ней – умаешься! Землю вскопай, всходы прополи, потом окучивай, да не раз, потом жуков этих... гималайских собери!

– Колорадских, Петрович!

– Ну, колорадских, один чёрт. А в результате... выкопаешь... – Петрович соорудил энергичную дулю и махнул рукой. – А, майся, коли по-другому не можешь!

На участках лежала тишина. Дачники спали. Солнце только-только выкатилось из-за горизонта, но уже разливало по земле влажное тепло. День обещал быть ясным и жарким.

Алевтина подошла к бочке, прохладной ночной водой смочила лоб и продолжила посадку.

Петрович молчал, думая о чём-то своём, и вдруг запел хрипло и весело:

Раз картошка, два картошка

Пионерская еда!

– Да... Картошка... Картоха! Вспомнил вот... Это мы уже наступали. Под Смоленском было... Заняли деревушку одну... Я тогда лейтенантом был. Взводом командовал. И был у меня один солдатик молоденький... Василём звали. Весёлый парнишка был... А стеснительный, как девушка! От каждого, прости господи, матерного слова делался красным, как помидор! Мы его так и прозвали «наш помидорчик». Слышь, Алевтина?

– Слышу, слышу, Петрович! Рассказывайте, а я потихоньку грядкой займусь, – тихо ответила соседка.

– Да!.. А на гармошке играл, как артист заправский какой! Ей-богу! Наши-то все берегли его, вперёд не пускали. Чтоб, не дай бог, не потерять. Чуть что, каждый норovil собой заслонить... нашего помидорчика...

Петрович горько усмехнулся, сглотнул слюну, продолжил.

– Ну так вот... О чём я?..

– Вы рассказывали про гармониста-помидорчика.

– Ах, да! Заняли деревушку... А ночь была черней сажи! Вытянешь руку, так и собственной руки не видать! Расположились мы в трёх избушках, выставили посты. Окна задраили, огонь развели... И вдруг Василь, помидорчик наш, и говорит: «Товарищ лейтенант, разрешите за картошечкой сбегать! Я там, на поле, с десятков кустов приглядел. Я мигом! Уж очень картошечки хочется!» Я себе думаю: по-тёмному оно можно и сбегать... Отпустил его... Спустя минуту-другую слышу хлопок, похоже на выстрел... Ждём – нет солдатака! Посылаю двоих, на разведку. Приносят его, неугомонного... В руках по картошке зажато, а в голове... дырка! Кокнули нашего помидорчика! Как они его достали?! Тьма кромешная! А ведь подстрелили! Да... картошечка... картоха!

Петрович замолчал и вдруг запел громко и хрипло:

Антошка, Антошка,

Пойдём копать картошку!

– Эх, Алевтина! Картошка картошкой, но и о себе подумать надо... Слышь, Алевтина?

Петрович посмотрел на соседку и замолчал.

Алевтина лежала на грядке ничком, раскинув руки. И в каждой руке было зажато по картофелине.

2001 год.

Полет на автобусе

Автобус стоял на самом краю Чёрного оврага, задрал нос к небу, и слегка нависал над обрывом. В ясный день его чудом сохранившееся лобовое стекло сверкало под лучами солнца, а в ясную ночь в него заглядывалась луна, и звёзды подмигивали ему, как старому приятелю...

Впрочем, сначала о мальчишке по имени Рус.

Вообще-то его называли Русланом – отец настоял. Но отец Руса жил своей жизнью, в другом городе и даже в другой стране, изредка присылая сыну короткие письма на уже малопонятном мальчишке языке. А мать, чтобы прокормить себя и своего сына, вкалывала целыми днями, иногда прихватывая и часть ночи. Поэтому зачастую Рус был предоставлен самому себе.

Немногочисленные родственники в количестве двух тёток с лёгкой руки матери называли его Русликом. Старшая из них, худосочная, как болотное растение, при встрече с племянником, растягивая первый слог и ставя «ы» вместо «и» во втором, басовито-высокомерно произносила: «Ру-у-услык». Русу всегда слышалось «суслик», и он поёживался от такого обращения. Вторая тётка, круглая и белая, как переросший кабачок, наоборот, почему-то напирала на второй слог, «Русли-и-ик». И тон у неё при этом был заискивающе-ехидным. Объявлялись они, как правило, по большим праздникам, дарили Русу дешёвые побрякушки, зато не скупилась на поучения, чем доводили племянника до тихой истерики. Поэтому при расставании с ними он вздыхал с таким облегчением, будто продолжительное время провёл под водой.

Был у Руслана хороший друг, Тимоша Гавриков. Они ходили в один и тот же садик, в одну и ту же группу, и в школу их зачислили в один и тот же класс. А потом Гавриков с родителями, как птица в тёплые края, улетел за океан, и следы его затерялись в географии Нового Света. Обладая математическим складом ума, славный паренёк Тимоша часто помогал в учёбе своему другу, то есть дружил честно и беззаветно, но, подсознательно чувствуя своё превосходство, называл Руслана Русланчиком.

И только пацаны, приятели, с которыми Руслан общался по соседству, звали его Русом. Собственно, приятелей у него было не так много, да и те занимались в основном добыванием денег. А на такое баловство, как игры, у них просто не хватало времени. Глядя на приятелей, Рус тоже однажды тусовался у торговых палаток. Даже поссорился с матерью из-за этого. Она не допускала, чтобы сын отвлекался от учёбы. Она говорила: «Я тебя кормлю, пою, одеваю, чего тебе ещё надо? Учись, как следует, и всё будет путём!» Рус таскал коробки с продуктами, присматривал за товаром, когда продавцу нужно было срочно отлучиться, ходил с поручениями. А получил за все свои старания всего ничего – едва хватило на три порции мороженого. И он без сожаления покинул компанию малолетних «предпринимателей» и стал проводить свободное время так, как ему захочется.

А хотелось ему просто слоняться по городу и разглядывать новостройки. Городок наш, Кукушкин, с некоторых пор растёт с удивительной быстротой. Стоит уехать куда-нибудь на два-три месяца, как всё вокруг преобразается до неузнаваемости. На пустырях вырастают новые дома, и многоэтажные, и богатые особняки, а с ними появляется много новых улочек и переулков, так что городское начальство не успевает придумывать им названия.

Конечно, не только возводят новые дома, но и переделывают старые. Глядишь на знакомое строение и диву даёшься: вроде бы всё осталось по-прежнему, разве только оно посвежело немного. Ан нет, всё такое и не такое! Под крышу подвели мансарду, и теперь дом выглядит несколько иначе, словно ходил человек всю жизнь без головного убора, а тут взял да нахлобучил на себя шляпу. Старые деревянные рамы поменяли на пластиковые, а на место вечно облупленных дверей парадных подъездов встали металлические створки с кодовыми замками и домофонами. Но что Русу было не по нраву, так это глухие заборы вокруг особняков – из-за них мало что можно было разглядеть.

Поэтому каждый выходной Рус обязательно выбирался за город, на вольный простор. Собственно, «выбирался» сильно сказано. Он просто сел на велосипед и катил в сторону Чёрного оврага.

К Чёрному оврагу Руса тянуло не праздное любопытство. В старые времена, когда о новостройках даже и не мечтали, в овраге устроили городскую свалку. А год назад здесь появился отслуживший свой срок старенький городской автобус. Он обосновался на обрывистом краю Чёрного оврага, носом в бездну, как пик помоечного царства. Но погода и люди помогли ему в короткий срок развалиться окончательно. Помятый корпус густо покрыли родимые пятна ржавчины. Колёса исчезли. Мотор раскурочили. Попасть внутрь автобуса можно было либо через окна – поскольку все стёкла мелкими брызгами усеивали пространство возле него – либо через передние пассажирские двери, которые при небольшом усилии всё-таки открывались и закрывались. Искорёженную дверку водителя безнадежно заклинило. А задние пассажирские двери были наглухо заварены железным листом. Сиденья в салоне отсутствовали. Изуродованные до неузнаваемости они валялись по всей свалке. Зато в кабине водителя сиденье уцелело. Но и по нему прошли ножи местных вандалов.

Русу это не смущало. Ведь сохранилось лобовое стекло. И руль уцелел. И педали торчали, как им было положено. А значит, имея воображение, автобусом можно управлять. Рус усаживался за руль и отправлялся в путешествие. В кабине водителя он забывал обо всём, даже о свалке. Тем более, с этого места замусоренный край оврага не попадал в поле зрения. А только видны были далеко внизу, у самого подножия обрыва, кудрявые купы боярышника да круглый островок, словно именинный пирог, усыпанный белыми свечами берёз. И создавалась иллюзия, будто автобус не стоит на земле, а парит в воздухе.

А если поднять глаза и посмотреть вдаль, то открывалась удивительная картина: слева и справа возвышались лесистые холмы, проступающие сквозь дымку живописным рельефом, а внизу, в широкой долине, серебрилась то сужающаяся, то расширяющаяся лента речки Виляйки. А к её берегам лепились утопающие в садах дачки, геометрические фигуры возделанных огородов, заливные луга с пятнистыми коровами и белыми козами... Рус держался за баранку и воображал, что автобус летит подобно аэроплану – высоко, плавно, бесшумно – и думал, будет лететь бесконечно, пока в пилоте клопочет жизненная сила...

В последнее время Рус проделывал это не один. У него появился дружок – старый бродячий пёс. Рус обнаружил его случайно. Пёс лежал под автобусом и скулил. При появлении незнакомого мальчика, он приподнялся, но тут же завалился на бок от голодного бессилия. Сделав ещё одну попытку, он завалился окончательно. Пёс был огромный, лохматый, грязный и так смешно падал, что Рус потехи ради тут же окрестил его Самосвалом. А позже, разглядев двойной шрам на его плешивом лбу, пожалел, накормил бутербродами, которые прихватил с собой на прогулку.

Первые дни знакомства Рус навещал пса ежедневно. Потом стал приходить пореже: в среду или в четверг и обязательно в воскресенье.

Самосвал охранял место их встречи и два раза в неделю высматривал своего маленького друга, чтобы потом сопровождать его во время прогулки. Сначала они летели, будто бы на самолёте, далеко-далеко, по пути снижались, садились на подходящую полянку и устраивали пикник: разводили костёр, пекли картошку. Подкрепившись, бродили по заросшим склонам Чёрного оврага, обследуя захлапленные всякими отходами овражьи закоулки. А под конец устраивались рядом с автобусом-самолётом и, глядя на речную долину и плывущие над ней облака, разговаривали о жизни.

Говорил, конечно, Рус. Он сидел на разодранном автобусном сиденье, подперев голову кулаком, а Самосвал клал свою лохматую морду к нему на колени, сладко зажмуривался и слушал.

– Знаешь, Самосвал, я, когда вырасту, обязательно стану лётчиком. Не веришь? – сказал как-то мальчик, трепля пса по загривку.

Пёс, не меняя положения, махнул хвостом, при этом поднял треугольные брови, взглянул на мальчика пристально и перевёл взгляд на долину, словно говоря: «А почему бы и нет».

– Стану лётчиком, – продолжал Рус, – и полечу высоко над землёй. Я буду, как Экзюпери. Знаешь, был такой лётчик. И ещё он был писатель. Он сочинил сказку про маленького принца... Там принц приручил лисёнка... И они стали друзьями... Ну, как мы с тобой... Я полечу над нашей речкой Виляйкой... Над теми холмами... Далеко, далеко, в другие страны... Я полечу над городом, где живёт мой отец, и брошу ему письмо. А в письмо положу ромашку... У нашего дома много ромашек растёт... Нет, не ромашку, а свою фотку. Пусть посмотрит на меня, какой я большой вырос. И напишу ему... Напишу, что мы с мамой живём хорошо. Что у меня теперь есть ты, самый верный друг. И что мне всё нипочём...

Тут Рус взглянул на дремлющего Самосвала.

– И тебя возьму! Ты полетишь со мной?

Пёс опять приподнял брови, коротко проорчал. И это урчанье сложилось для Руса в простую фразу: «Я не доживу». Рус даже подпрыгнул от неожиданности, так что собачья морда соскочила с его колен и ткнулась в полусохшие стебли конского щавеля, росшего на свалке в изобилии.

– Самосвал, ты умеешь разговаривать?!

Самосвал издал длинный ряд звуков, очень похожих на невнятную человеческую речь, и, хитро жмурясь, опять уложил свою голову мальчику на колени. На этот раз Рус услышал: «Вообще-то, не умею. Я же собака. Это только с тобой у меня получилось».

– Ты не представляешь, как это здорово! Теперь мне есть с кем разговаривать! Просто разговаривать, понимаешь!

От переполнявших его чувств Рус обхватил собаку за шею, с силой прижал к себе. Пёс захрипел, повизгивая, что, видимо, означало: «Отпусти, придушишь ненароком».

И пошла у них дружба не разлей вода. Рус даже привел Самосвала домой, но мама, увидев на пороге здорового пса, замахала руками и сказала, чтоб им здесь и не пахло. «Мало мне забот, – возмущалась она, – так ещё бездомный кобель выискался на мою несчастную голову! Кто его будет кормить? И чем, скажи на милость? Это ж не кобель, а целый крокодил. Он и нас с тобой проглотит, не глядя. Нет-нет, делай что хочешь, а этого пса я и видеть не могу!» К несчастью, собачий визит пришёлся на один из тех праздничных дней, когда у них гостили зловредные тетки. Они хором присоединились к матери и с каким-то неиссякаемым усердием на протяжении всего вечера обсуждали эту проблему и, можно сказать, вытерли ноги об ни в чём неповинную собаку, а заодно и об своего племянника.

С того дня Рус зачастил к оврагу, так что и про уроки стал забывать. После неудачного визита Самосвал выглядел грустным.

– Ты обиделся? – поинтересовался Рус. – Да-да, я вижу! Обиделся на маму, за то, что она тебя в дом не пустила. Не обижайся, ей и так достаётся. А нам с тобой и здесь хорошо, правда?..

Самосвал исподлобья взглянул на Руса, и, потёршись мордой о его колени, проорчал обстоятельно: «И правильно, что не пустила. Не место мне в вашем доме. Потому – не домашний я пёс, на вольных хлебах вырос, на отбросах. А вот что крокодилом обозвала, это уж никакой собаке даже не приснится. Крокодил он – ящерица! И зелёный. А у меня шерсть светло-рыжая. Почти жёлтая. По-вашему – блондин. И живу я на воздухе, а не в воде».

А потом начались долгожданные летние каникулы, и друзья расставались только на ночь. Но однажды тяжело заболела мать. Она не вставала с постели, температурила, даже бредила. Рус самоотверженно ухаживал за ней: кормил с ложечки, бегал за лекарствами, развлекал как мог. И с прогулками пришлось повременить.

За время его отсутствия у Чёрного оврага произошли кое-какие события. Дело в том, что левый склон Чёрного оврага, как и прилегающие к нему со стороны города земли, на которых в лучшие времена высевали зелёные корма для скота, и на котором теперь одиноко торчал полуразвалившийся телятник, местное начальство продало в частные руки под строительство коттеджа. Свалке грозила ликвидация.

Среди недели здесь появились люди в оранжевых жилетах и огромный жёлтый бульдозер. Свалку огородили дощатым забором, а у въездных ворот поставили строительный вагончик. На следующий день сюда потянулись большегрузные самосвалы. Они шли один за другим, натужно гудя, сваливали жирный чернозём, а бульдозер утапывал мусор, выравнивал грунт.

Руководил этим мероприятием высокий синеглазый мужчина лет пятидесяти, с пышными чёрными усами, в оранжевом жилете, надетом поверх тёмно-синей куртки, видимо, прораб будущей стройки. Несмотря на грузную фигуру, передвигался он довольно бойко, выдавал направо-налево распоряжения, и они летели над оврагом, словно короткие автоматные очереди.

Однако к выходным работа застопорилась. То ли не все бумаги были подписаны, то ли у нового хозяина приовражных угодий возникли трудности с финансами, то ли появились сильные конкуренты. Короче, стройка оборвалась так же внезапно, как и началась. А прораб пере-квалифицировался в обыкновенного сторожа. Ночевал в вагончике, приглядывал за техникой, по вечерам жёг костёр для согрева и прочей охранной предосторожности.

Когда мама поправилась, Рус вновь появился у Чёрного оврага и не узнал его. Это случилось рано утром в субботу, как раз на следующий день после того, как стройка заглохла. Большая часть свалки превратилась в разглаженную равнину. Да и попасть на неё теперь было не так просто – пришлось выбирать: либо лезть через забор, либо карабкаться по обрыву. Рус выбрал первое. Так было короче и проще. Прораб ещё спал. Поэтому мальчик беспрепятственно преодолел обширную территорию свалки и благополучно достиг автобуса.

Самосвал приветствовал Руса залихватистым лаем. Но голод давал о себе знать – от каждого движения хвоста пса вело в сторону, и он беспомощно приседал. На этот раз Рус потчевал своего друга обрезками колбасы и куриными косточками, собранными за неделю. Пёс мгновенно глотал принесённую пищу, лизал своему благодетелю руки и ноги, и смотрел на него преданными глазами.

Когда последний лакомый кусочек утонул в собачьем желудке, Рус услышал за спиной:
– А из моих рук брать не захотел, чертяка!

Рус обернулся. Перед ним стоял усатый мужчина в спецовке, с ружьём через плечо, слегка навеселе.

– Как же ты пробрался сюда, сынок?

– Я не ваш сынок.

– Ух, ты, ёршик! Понятно, что не мой. Это я так, к слову.

– А через забор.

– И не побоялся?

– А чего мне бояться? Я ничего плохого не сделал.

– Да я так спросил, – сказал прораб весело. – Другого дела у меня, брат, сейчас нет.

Стройка разладилась. Вот, караулю объект, будь он неладен. Ничего, гуляй пока. Твой пёс?

– Мой.

– А чего ж ты его домой не заберёшь? Помрёт он тут с голодухи.

Рус понурился, но ничего не сказал.

– Усёк – мамка не велит.

– Угу.

– Ладно. Пока тихо, гуляйте на здоровье. А уж как грузовики пойдут, милости прошу – за забор.

– А когда они пойдут?

– А кто ж их знает! Как начальство договорится, что почём, тогда и пойдут.

Прораб закурил, обвёл хозяйским взглядом вверенную ему территорию, спросил у мальчика:

– Тебя как зовут-то?

– Рус. То есть, Руслан.

На лице прораба проступило радостное удивление.

– Не может быть?!

– Почему «не может быть»?

– Так меня тоже Русланом кличут. Тёзка, значит!

Ближе к обеду старший Руслан соорудил костерок, сварганил простенький супчик и пригласил Руса отведать свою стряпню. Рус ел с аппетитом и не забыл поделится с собакой. А после обеда тётки проговорили до самого вечера.

– Я ведь не всегда прорабом был. В былые времена я, брат, облака разгонял.

– Как это?

– Лётчик я. Бывший, конечно.

– Не может быть?!

– Почему «не может быть»? – засмеялся прораб. – Было дело... А потом списали. На пенсию отправили. По возрасту. Да не в том суть! Я бы ещё мог... Понимаешь, самолёты мне покоя не дают. Каждую ночь сняться. Никаких снов больше не вижу. Одни самолёты... а! – прораб махнул рукой. – Не ко двору пришёлся. Турнули, короче. Вот и подыскал себе работёнку.

– Я тоже хочу на лётчика выучиться, – сказал Рус.

– Ты? На лётчика? А что, можно. Парень ты крепкий. И упрямый, видать.

– А с парашютом вы прыгали?

– А как же. Правда, не так часто. Но приходилось.

– Страшно?

– По первости, трухнул, малость. Это всё равно, как с непривычки зимой в прорубь сигануть. Даже кудрявей. Спасибо, инструктор вытолкал. А потом – ничего, сам прыгал.

Слушатель прорабу попался благодарный. И, дорвавшись до воспоминаний, бывший лётчик говорил без умолку. Жестикулировал он скупно, но глаза его полыхали нестерпимой синевой, а сам он походил на слегка постаревшего мальчишку. Он вспоминал лётное училище, свой первый полёт, первое назначение. Вспомнил, как однажды, в нарушение инструкции, прокатил любимую девушку на учебном самолёте и схлопотал за это: на месяц его отстранили от полётов. Вспоминал и смешное, и не очень смешное, и даже совсем не смешное...

Порой Русу казалось, что прораб не говорит, а поёт. Так разнообразны были модуляции его баритонального от природы голоса, то опускающегося до баса, то взлетающего к теноровым нотам.

– А в аварию попадали? – спросил Рус, когда рассказчик остановился, чтобы прикурить.

– Случалось, не без этого. Машина есть машина.

Прораб помолчал, потом приоткрыл рот, в уголках его глаз обозначились лукавые морщинки.

– Такой вот был случай. Служил я тогда в Казахстане. Командировали меня почту доставить в дальнее село. А лететь надо было через пустынную степь. Сам понимаешь, кругом ни кустика, голая земля. И жара, как в печке. Лечу. Вдруг мотор зачихал и заглох. Пришлось садиться. Час ремонтирую, второй. В глазах круги от жары. И вода кончилась. Лежу, изнываю... Вдруг откуда ни возьмись мальчонка такой крохотный, ростом с кошку... Нарисуй мне, говорит, барашка...

– Маленький принц? – подхватил Рус удивлённо.

Прораб тут же умолк, звонко шлёпнул себя по коленкам, раскатисто рассмеялся.

– Тебя не проведёшь! Знаешь про Маленького принца? Молодец! Я тоже когда-то читал. Только вот имечко автора сейчас вылетело из головы... Как же его, а?... Он ведь тоже лётчиком был...

– Экзюпери.

– Вот-вот. А я забыл. Это надо же, забыл! – сокрушался прораб.

Усы его поникли, глаза посерели. Он взглянул на Руса так, словно видел его впервые. Потом бросил в костёр последний чурбачок, закурил и надолго замолчал.

Вскоре и костёр угомонился. Только изредка постреливал, пыля сизым пеплом. Оба Руслана неотрывно смотрели на пылающие угли, каждый думал о своём.

И Самосвал загрустил, завыл тихонько.

– А вы инопланетян там видели? – неожиданно спросил Рус.

– Где там-то? – вяло отозвался прораб.

– Ну, там, за облаками.

– Нет, брат. Там инопланетян не видел. А вот в нашей конторе до моего увольнения их развелось как тараканов. От начальника аэропорта до бухгалтера.

– Инопланетяне в конторе?

Прораб заговорил напористо, зло:

– А ты как думал! Один летать запрещает, другой денег не выдает. Они что же, думают, мой организм на аккумуляторе работает?! Сунул два пальца в розетку, подзарядился и живи дальше! Разве это люди? Конечно, инопланетяне!

Костёр догорал, образовав сферическую горку, на огненной поверхности которой кипели, дымясь, причудливые разломы.

– Заговорил я тебя, тёзка. Не пора ли домой двигать? Да и мне надо в город смотаться, за продуктами. Переночую там. А завтра с утрачка вернусь. Брат у меня в Кукушкине. Берёзовый переулочек, слышал?

– Это на другом конце города, – ответил Рус не сразу, заглядевшись на огненную планету догорающего костра.

– Точно.

Небо потемнело. Проглянули звёзды. На небе повисла полная луна.

– Ну, двигаем? – сказал прораб.

Рус обнял пса.

– А можно я ещё здесь побуду? Самосвала доведу до автобуса, попрощаюсь, а потом поеду. Я на велосипеде.

– А! Ну, как знаешь. Мне-то что...

Прораб потоптался на месте, потянулся, достал сигарету. Но прикуривать не стал. Сунул сигарету за ухо. Рус хотел сказать ещё что-то, что-нибудь хорошее, ободряющее, но не знал – что.

Прораб коротко выдохнул, подобрал ружьё и быстро зашагал к воротам.

К автобусу Рус и Самосвал пошли не сразу. Сначала сбежали по крутой тропинке вниз, к реке, поплескались в тёплой воде, походили по песчаному берегу и, обсохнув, возвратились обратно.

Уже стемнело. От лунного света вся долина была как на ладони. Друзья совершили ночной полёт на автобусе, осмотрели с высоты окрестности, усыпанные, как горохом, огоньками населенных пунктов, и, утомлённые путешествием, задремали в объятиях друг друга.

Среди ночи Самосвал услышал подозрительное шевеление за бортом. Он насторожился. Со стороны оврага к автобусу подбирался какой-то зверь. На мгновение все затихло, и снова кто-то стал продираться сквозь нагромождение мусора. Луна зашла за тучку, звёзды померкли,

и стало темно, как в погребке. Самосвал высунулся из автобуса, понюхал воздух. Его мохнатую фигуру обволакивала звенящая тишина. Где-то поблизости застрекотал ночной кузнечик и, словно испугавшись чего-то, тут же умолк.

«Показалось, поди, – подумал пёс с тоской. – Ничего не чую. Не тот я стал, совсем не тот. Да и какие теперь звери! – город к самому лесу подступает. Всех разогнал. Вот раньше было... Помню одного жёлтого волка-людоеда. Кукушане ночью-то к оврагу и близко не подходили. Опасались. Он ведь того беднягу охотника, что выслеживал его, в момент загрыз. Сзади подобрался. Хитрая была животина. И свирепая. Клыки, что тебе гвозди. А лапы как из дуба изготовлены. Махнет – не обрадуешься. С одного удара глушил. Это он, поганец, раскроил мне лоб. Но и я тогда был не промах. Так отделал стервеца, что он еле ноги уволок. Где он теперь? Жив ли? Эх! Пойти что ли косточки размять».

Лизнув спящего Руса в щёку, Самосвал грузно спрыгнул с подножки автобуса и направился к краю оврага. Но до края он не дошёл – внезапно резкая боль молнией пронзила его череп и сбила с ног. На две-три секунды Самосвал отключился. А когда очнулся, увидел над собой оскаленную волчью пасть. Жёлтый волк стоял над поверженным псом, его зрачки горели ненавистью.

Самосвал судорожно соображал: если он сейчас не даст отпора злодею, значит Русу грозит беда. Волк наверняка пронюхал о его присутствии. И как только расправится со мной, разорвёт спящего мальчика на куски. Поэтому выход один – держаться до победного.

И не успел волк ухватить Самосвала за горло, как пёс резко увернулся и вскочил. Волк взвыл от досады и снова, в бешенстве скалясь и тараша глаза, бросился на пса. И на этот раз Самосвалу удалось отскочить невредимым. Волк только задел клыками за край его уха. Третий волчий бросок оказался для Самосвала тяжёлым испытанием. Его грудь ожгла рваная рана. Пёс охнул, осел на задние лапы. Кровь брызнула, как из шланга, и залила волку глаза. Волк зажмурился, заметался, завыл протяжно.

Волчий вой разбудил мальчика. Спросонья Рус не сразу понял, что происходит. Темнота стёрла предметы до неразличимости. Он пошарил возле себя – Самосвала рядом не оказалось. Тогда Рус поднялся, выглянул из автобуса, зябко поёживаясь, окликнул собаку. Услышав человеческий голос, волк замер. И в этот миг Самосвал, единым махом преодолев разделявшее их расстояние, вонзил клыки в волчью горло. Волк рванулся в сторону, потащив за собой пса, но Самосвал крепко сомкнул челюсти и не отпускал их, пока волк не затих.

А тут и тучка посторонилась, выпустила луну из плена, и всё кругом вновь озарилось ровным бледно-серебристым светом. Сражение было окончено. Волк лежал на боку, вытянув лапы, его жёлтые зрачки безжизненно уставились на луну, а из порванного горла сочилась на землю тёмная жидкость. Самосвал лежал рядом, на животе, подрагивая всем телом, и часто дышал.

Рус осмотрел пса, скинул с себя рубаху, перевязал ему рану и поволок его к автобусу.

К утру Самосвал уже не поднимался. Повязка намокла, заскорузла по краям, сделалась красной. Рана не заживала.

Тогда Рус решил сбежать домой за бинтом, пообещав Самосвалу скоро вернуться. А дома получил от матери хорошую взбучку. Мало того, мать запретила ему до школы выходить за порог.

А через два дня закончилось лето, и начался учебный год. Рус прибежал к Самосвалу ежедневно, но ненадолго. В ожидании мальчика пёс лежал на мягкой подстилке, которую Рус притащил для него из дома, и тихо скулил. Ему становилось все хуже и хуже. Жизнь его угасала.

В первое воскресенье сентября работы у Чёрного оврага возобновились. Застрекотал пусковой движок бульдозера. Забегали, закопошились люди в оранжевых жилетах. Снова потянулись к свалке самосвалы, гружёные чернозёмом, лесом, бетонными плитами, саженцами.

Такого скопления людей и техники, такого объёма и ритма разнообразных работ на одном объекте город Кукушкин ещё не знал.

Ближе к обеду на территорию свалки с ослепительно горящими фарами въехала чёрная иномарка. За ней – другая. Из второй, как чёртики из табакерки, выскочили чёрные фигурки и рассредоточились на некотором расстоянии от автомобилей. Две из них заняли позицию у ворот, две застыли у мусорной кучи, ещё две подбежали к первой иномарке и, встав к ней спиной, устремили взор туда, откуда могла грозить непредвиденная опасность.

Рус сидел на подножке автобуса и наблюдал за разворачивающимися событиями. Из-за дальности он не различал лиц и не слышал голосов. Он только видел чёрные фигурки, которые двигались четко, выверено. Это было похоже на театр марионеток, который Рус видел однажды по телевизору.

Как только фигурки из второй иномарки заняли свои места, из первой выскочили ещё две, точно такие. Одна из них воткнулась перед капотом, лицом к строительному вагончику, другая, согнувшись под прямым углом, открыла заднюю дверцу иномарки. Из открывшегося проёма выставилась чёрная нога. Она сделала ряд движений вниз-вверх, видимо, пробуя – достаточно ли твёрдая почва. Удостоверившись в надёжности грунта, нога ступила на него. Над ногой появилась согнутая в локте рука, которая придерживала чёрную шляпу, а затем показало и всё тело, образовав ещё одну фигурку. Длинное чёрное пальто фигурки в шляпе, скользнувшее до самой земли, сделало её безногой. «Новый хозяин», – подумал Рус. Дул холодный ветер с порывами, и рука главной фигурки продолжала оставаться на шляпе. Шляпа повернулась в одну сторону, в другую, оглядывая территорию свалки.

В это время из вагончика выскочила фигурка прораба. Согнувшись, она засеменила к первой иномарке. Руса очень удивило, что она оказалась вровень с фигуркой в шляпе, даже чуть ниже её. В день знакомства бывший лётчик показался ему очень высоким. Фигурка прораба что-то говорила фигурке в шляпе, то и дело размахивая руками, словно хотела взлететь. Фигурка в шляпе что-то отвечала фигурке прораба, не снимая руки со шляпы. Затем фигурка в шляпе вытащила из кармана пальто свободную руку и жестом полководца на поле боя выбросила её в сторону автобуса. Фигурка прораба согласно закивала.

После этого фигурки на время застыли. А потом задвигались в обратном направлении. Сначала фигурка в шляпе сунула тело в первую иномарку, затем шляпу с придерживающей её рукой, под конец убралась и нога. Одна из чёрных фигурок захлопнула дверцу, и все остальные тут же убрались по машинам. Машины сделали почётный круг возле вагончика, выехали за ворота и скрылись за дощатым забором, оставив фигурку прораба на ветродуе в одиночестве.

Как только иномарки укатили, прораб подбежал к Русу вплотную и выпалил нервической скороговоркой:

– Руслан, тёзка, давай улетай отсюда, а! И пошустрей! Сейчас кувыркать её будем, океанную!

– Чего кувыркать? – не понял Рус.

– А железяку эту, будь она неладна! – прораб с силой хлопнул кулаком по автобусу. – Мороки с ней – чистый геморрой! Увозить не хотят, говорят, спихни её в овраг! А мне что! Я человек подневольный!

После этого прораб то ли засмеялся, то ли закашлялся, и тут же, размахивая руками, сорвался с места и устремился к бульдозеру.

Когда до Руса дошёл смысл сказанных прорабом слов, он бросился сначала в кабину, где лежал раненый пёс, но тут же, развернувшись, побежал за прорабом, истошно крича ему вслед:

– Дяденька Руслан! Нельзя! Нельзя автобус кувыркать – там Самосвал!

Прораб что-то говорил бульдозеристу, показывая рукой на автобус, когда Рус, запыхавшийся от волнения и быстрого бега, со всего размаху ткнулся головой в оранжевый жилет и стал бить по нему кулаками.

Бульдозер взревел, развернулся и на полном ходу, взрывая гусеницами мусор, пошёл к автобусу. А прораб выставил перед собой могучие ладони и шурился на мальчика в удивлении.

– У тебя что, пацан, крыша поехала?! Я же сказал: за забор! Не дай бог случится что, с меня спросят! Давай, милый! У меня и без тебя голова вразлёт пошла! Уходи!

– Дяденька Руслан, прошу вас, не надо кувыркать! Он – там, он ранен! Он сам не выйдет! – кричал Рус, от бессилия стуча кулаками по своим коленкам, потому что прораб уже не слышал его – он бежал к тому месту, куда подруливали КраЗы, гружёные бетонными блоками.

А в это время бульдозер на всех парах направлялся к краю оврага, где доживал свои последние минуты старенький городской автобус.

Рус был в отчаянии. Он думал только о Самосвале. На пределе своих сил, он кинулся бульдозеру наперерез. И пока бульдозер крутил по территории свалки, объезжая мусорные пирамиды, Рус успел добежать до автобуса и заскочить в кабину. Он обхватил собаку и попытался сдвинуть её с места. Самосвал даже глаз не открыл, только приподнял одно ухо.

– Самосвал, дружище, надо уходить отсюда! Скорей! Ну, вставай же, вставай!

Пёс напрягся, приподнялся на задние лапы и тут же снова обмяк, чуть не придавив мальчика.

Дизельный рёв бульдозера нарастал, надвигался неотвратно, постепенно заполняя сознание Руса, как заполняет вода трюм тонущего корабля. Но Рус действовал решительно. Преодолевая себя, тащил и тащил собаку к выходу. Уже оставалось совсем немного. Но случилось непредвиденное: заклинило двери...

Бульдозер вдруг сбросил обороты, будто заглох. И в этой паузе Рус отчётливо услышал резкий металлический скрежет. Автобус дрогнул, покачнулся и накренился над бездной оврага. Вскоре бульдозер взревел с новой силой, и в ту же секунду железная конструкция, бывшая некогда городским автобусом, плавно съехала с глинистого края оврага в объятия свистящей тишины...

И Рус почувствовал, как всё у него внутри подступило к горлу, и он вцепился в лохматое тело собаки, и прошептал едва слышно:

– Летим!..

2004 год.

Приколы Алика Бредова

1. Неуспеваемость

Ученик восьмого класса Алик Бредов катастрофически не успевал. По всем предметам, за исключением немецкого, который, впрочем, с начала года не значился в расписании из-за отсутствия преподавателя.

К концу полугодия молодой учитель литературы, он же классный руководитель восьмого «Б», задержал Бредова после уроков и стал пытаться.

– Ну, вот что, Бредов. Твоя неуспеваемость у меня вот где, – учитель показал на горло. – Я бы сразу мог вызвать твоих родителей, но мне не терпится услышать именно от тебя оправдание твоей неуспеваемости. Объяснись, Бредов. Что тебе мешает?

Алик Бредов набрал побольше воздуха и начал объясняться.

– Господин учитель...

– Можешь называть меня просто Максим Петрович, – перебил учитель, хмыкнув иронически. – Как все называют.

– И мама?

– Что мама?

– И ваша мама называет вас Максим Петрович?

– Причём здесь моя мама! Как называют меня в школе.

– Понятно, – ответил Алик слабым голосом, и тут же, достав из портфеля бутылку «Кока-колы», поинтересовался: – Можно горло промочу? Пересохло.

– Мочи! И приступай к объяснению! – категорически заявил учитель, выбивая пальцами по столу стремительную чечётку.

Алик опрокинул бутылку в рот и тут же поймал удивлённый взгляд Пушкина, висящего над доской.

Уставившись в классный журнал, учитель терпеливо ждал.

– Я слушаю, Бредов.

Алик сунул бутылку в портфель, вздохнул тяжело.

– Опять меня врать заставляют...

– Бедненький, – подыгрывал учитель. – А ты не ври. Говори правду.

– Я-то скажу. Да вы не поверите.

– Почему ты так думаешь! Ты только начни. Вот расскажи мне, по какой причине ты ко вчерашнему уроку не выучил стихотворение Пушкина?

– Александра Сергеевича?

– Не отвлекайся, Бредов. Говори по существу.

– Какое стихотворение? У него их много.

– Вот видишь, ты даже не знаешь, какое стихотворение я задавал. «Осень», Бредов, «Осень».

– Вчера?

– Задавал я позавчера. А рассказать нужно было вчера.

– Ах, вчера! Вчера... еду я на «десятке» по Мичуринскому... и вдруг...

– Ну, пошёл сочинять! – вспыхнул учитель. – У тебя есть водительские права, Бредов?

– Нет...

– Так зачем же ты врешь?

– Я не вру. Зачем мне права?

– Ну, ты даёшь! А как же! Иначе остановят и оштрафуют!

– Не знал. Я без прав езжу. И никто никогда не штрафовал.

– Вот и опять я подловил тебя на вранье!

– Я не вру. Я и книжку в машине пытался читать. Пушкина... стихотворение, которое вы задали... «Осень».

– А вот этого не надо! – почему-то обиделся учитель. – Прошу тебя, Бредов, будь человеком. Неужели и так непонятно – тот, кто сидит за рулём, обязательно должен иметь водительские права и смотреть не в книгу, а на дорогу!

– А у моего папы есть права.

– При чём здесь твой папа?!

– Так ведь он сидел за рулём.

Учитель замер, прикрыв глаза. Затем перевёл дыхание, потрогал вспотевший лоб.

– У тебя там... осталась «Кока-кола»? В горле пересохло...

Алик мигом нырнул в портфель и услужливо поставил перед учителем недопитую бутылку.

– Извини. Просто я тебя не так понял.

– Быва-ает, – протянул Алик индифферентно.

– Но это ничего не меняет, – сказал учитель, освежив горло «Кока-колой». – Я жду объяснений!

Алик скривился, с тоской глянул в окно.

– Господин учитель, Максим Петрович... Меня папа бросил, когда я ещё не родился...

Учитель напрягся.

– Постой, а кто... за рулём сидел? Разве...

– Это другой папа. Это родной.

– Постой-ка, постой, не путай меня! А тот, который... бросил? Что же...

– Тот не родной.

– Не понимаю... Как он мог тебя бросить, если он не родной?!

– Потому, наверное, и бросил, что не родной.

Учитель встал, нервно прошёлся по классу, снова сел, заглянул Алику в глаза и сказал решительно:

– Ну, вот что, Бредов. Только без балды, мать у тебя есть?

– Есть.

– Тоже в двух экземплярах?

– В одном. Без балды!

– Ну, слава богу! Чем она занимается?

– А ничем! Так... Обед готовит. Ковры пылесосит. Полы моет. Бельё стирает. С собакой гуляет. В магазин за продуктами ходит...

– Достаточно, – остановил Алику учитель. – Вот и пригласи ее завтра ко мне вечером. Часиков в семь, когда она освободится от домашних дел. Я буду ждать в учительской.

– А зачем она вам?

– Ну, это уж моё дело!

– Не только ваше. Она моя мать. И я должен знать, что вы с ней собираетесь делать.

– Знаешь, что!.. – возмутился учитель и энергично погрозил пальцем, так что у него щёки затряслись. – Ты это прекрати! Я с тобой пытаюсь разговаривать по-человечески, а ты... балаган устраиваешь! Я тебе задал простой вопрос, который как учитель имею право задать. Почему ты мало читаешь?

– Я? Нет...

– Да что там нет! О чём тебя ни спросишь, ты или молчишь или несёшь всякую околесицу! Ну, скажи мне, в чем дело?

– Все мало читают, а я...

– Да что мне все! Я тебя спрашиваю: почему ты плюёшь на свое образование? Почему ты так ничтожно мало читаешь?

– Максим Петрович, да я вообще не читаю.

Учитель раскрыл рот, как это делают собаки в жару, и задышал громко.

– По-че-му???

– Не успеваю.

Учитель покраснел, побледнел, снова покраснел, и тут они оба запели, как в опере, каждый про своё.

– Скажи, пожалуйста, Бредов, почему ты меня обманываешь на каждом шагу?

– А вы остановитесь.

– О! – схватился учитель за голову. – Тебе палец в рот не клади.

– Конечно, еще заразу какую-нибудь подхвачу. Тогда никакой спидометр не поможет.

– Какой еще спидометр? – простонал учитель.

– А чем на СПИД проверяют.

Учитель болезненно захихикал.

– Не понимаю, почему ты не успеваешь по литературе! Чутьё у тебя на слова есть. Фантазии, хоть отбавляй. Не отрицаю – и язык хорошо подвешен.

– А я думал он у меня из горла растёт, – сказал Алик, не моргнув глазом.

– Это метафора – образное выражение! До чего же ты, Бредов, тёмный!

– А мама говорит, что я светлый, светлее, чем папа.

– Поражаюсь, как ты до восьмого класса добрёл!

– Очень просто, по коридору.

– Ну, хватит! – не выдержал учитель. – Хватит мне голову морочить! А то я уже не секу, где ты правду говоришь, а где кривляешься! Завтра после уроков жду твоего отца!

– Которого?

– Ах да, у тебя их двое! Но один из них, кажется, тебя бросил!

– Не совсем. Он к нам теперь в гости приходит.

– Чудненько! Вот и позови обоих! Уж я с ними разберусь!

– С двоими вам не справиться.

– Что значит – «не справиться»?!

– А у них чёрный пояс по каратэ.

Учитель воздел глаза к потолку и, шумно глотнув воздуха, словно перед погружением в воду, рухнул на стол и затих.

Алик выдержал для приличия две-три минуты. Тронул учителя за рукав – тот не шевельнулся. Тогда Алик Бредов взял со стола бутылку и направился к выходу. Но тут же возвратился, поставил бутылку перед недвижимым телом классного руководителя и, подхватив портфель, тихо вышел из класса.

2. «Террорист»

Алика Бредова знала вся школа. С первого класса он отличался неудержимой страстью к розыгрышам или, как теперь выражаются, к приколам. Подшучивал Алик Бредов над всеми, без различия, будь то директор школы или ученик младших классов. Конечно, он старался не злоупотреблять и воздавал каждому по его положению.

Ученики прощали Алику почти все его выходки, поскольку они веселили окружающих. И большинство учителей смотрело на его невинные развлечения снисходительно.

Но однажды Бредов не на шутку навлёк на свою голову всеобщее неудовольствие педагогического коллектива.

В пятницу утром директор срочно собрал малый педсовет. На педсовете кроме директора присутствовали: классный руководитель восьмого «Б» Максим Петрович Галкин, физичка Марина Игнатъевна Усолицева, математик Николай Иванович Красин, химичка Инга Борисовна Пересудова и секретарша Альбина Горохова.

– Прошу прощения, – начал математик, – я только вчера выписался из больницы и не в курсе... Что, собственно, случилось? Из-за чего мы собрались? Огласите повестку.

Директор обвёл присутствующих загадочным взглядом и сказал:

– Да вот, Николай Иванович, вчера вечером Ингу Борисовну...

– Нет уж, позвольте я сама! – вступила в разговор химичка Инга Борисовна Пересудова. – Случилось, Николай Иванович, неслыханное! Из ряда вон выходящее и умом непостижимое! У нас в школе объявились собственные террористы!

– Что вы говорите?! – обеспокоенно воскликнул математик.

– Не совсем так, – попытался успокоить математика директор.

– Именно так, Георгий Владимирович! Будем называть вещи своими именами! И не надо никого покрывать! Так вот. Вчера вечером, после уроков, я зашла в туалет... И только хотела... ну, вы знаете, Николай Иванович, зачем ходят в туалет...

– Догадываюсь.

– И вдруг за перегородкой как шарахнет! Даже стёкла в окне зазвенели! И с потолка посыпалось! Дым! Вонь! Гарь! Ну, думаю, врыв! Я бегом из туалета! А дверь заперта! Снаружи заперта, представляете?!

– Так, интересно, – сказал математик, ожидая продолжения.

– Очень интересно! – язвительно подхватила химичка. – Посмотрела бы я на вас в этот момент! Меня чуть кондратий не хватил! Страху натерпелась на десять лет вперед!

– И как же вы, простите за любопытство, выкрутились? – спросил математик.

– Стучу в дверь, как сумасшедшая! Все ногти обломала! Стучу, кричу – зову на помощь! Пятнадцать минут стучала! Никто не отозвался! Как вымерли все! – тут химичка оглядела всех с сознанием своего морального превосходства.

– Инга Борисовна, – спокойно сказал директор. – Просто уроки закончились и почти все ушли. Никого не было рядом.

– Слушайте дальше! Я уж хотела через окно вылезать, хоть это и не очень прилично для моей комплекции. А тут и дверь открывается и кого, вы думаете, я перед собой вижу? Бредова из восьмого «Б»! Я, конечно, сразу высказала ему всё, что о нём думаю и пообещала, что ноги его в школе не будет!

– А где же был охранник? – возмутилась физичка.

– На улице! Курил, видите ли!

– Я так и не понял, что же всё-таки произошло? Что шарахнуло-то? – решил уточнить математик.

– Как что! Он мне петарду подкинул и запер! Мститель народный, блин!

– Мститель?

– Позавчера он схлопотал у меня две двойки за один урок, и вот вам, пожалуйста, отомстил, подонок!

– А вы уверены, что это был он?

– А кому ж ещё быть?! Вы что Бредова не знаете?! Он всем известен своими идиотскими выходками! И потом в школе уже никого не было! Вот вам и вся история. Решайте! Я сначала хотела милицию вызвать. Но потом решила, что обойдётся своими силами. Я предлагаю выставить его из школы! И немедленно! И не просто выставить, а дать уничтожающую характеристику! Чтобы ни одна школа в городе не смела приютить его! Пусть остаётся неучем!

– Круто, – заметил математик.

– Неужели у вас других слов нет? – заметила химичка.

– Есть, не вам в пример. Но в данный момент оно подходит больше всего.

– Да! А вы как думали! С такими только так! И никаких поблажек!

– С какими «такими»? Мы где, по-вашему, находимся – в школе или на зоне? Кто сказал, что это легко! Они любят теперь «прикалываться». Иногда перебирают, согласен. И всё-таки надо учитывать, что это дети.

– Это не дети, а выродки! – не унималась химичка. – И я настаиваю на исключении! Пусть где-нибудь там прикалывается, на стороне!

Слово взял директор.

– Факт действительно вопиющий. Поэтому давайте всё обсудим основательно. Но без излишней горячки, Инга Борисовна. И примем достойное решение. Прошу высказываться.

В кабинете повисло тягостное молчание. И опять подал голос математик.

– Можно вопрос?

Директор молча кивнул.

– Инга Борисовна, а в связи с чем вы поставили Александру Бредову две двойки в течение одного урока? А почему не три или четыре?

– Ваша ирония неуместна, – огрызнулась химичка. – Одну двойку я поставила за невыполнение домашнего задания. А вторую за классную работу. Я вас удовлетворила?

– Еще как! В себя не могу прийти.

Директор интеллигентно опустил голову, чтобы скрыть невольно набежавшую улыбку. Физичка звонко потянула носом, мгновенно закрыв лицо руками и изображив страшно сильный насморк. Секретарша, впившись глазами в потолок, как-то странно скривила рот и надула щеку, будто у неё внезапно проклюнулась зубная боль. Классный руководитель сидел, прикрыв глаза.

Справившись с улыбкой, директор вторично предложил высказаться.

– Максим Петрович, – обратилась химичка к классному руководителю восьмого «Б». – Странно, что вы молчите. Это ваш подопечный устроил мне экзекуцию.

– Я размышляю, Инга Борисовна. На него не похоже. Он может донять словом, на себе испытал. Или какую-нибудь невинную мелочь изобрести, не всегда уместную, но и не столь наказуемую. И потом, он любит работать, что называется, на публику. А тут, вы сами сказали, никого рядом не было. Не понимаю...

– А что тут понимать! Я же говорю, захотел отомстить. Этого мало?! Если вы не способны понять своих учеников, то можно усомниться в целесообразности вашего классного руководства, – виртуозно вывела химичка.

– Я приму ваше замечание к сведению, но должен заметить, что не вам решать, могу ли я быть классным руководителем.

– Давайте позовем Бредова, – предложила физичка, – и спросим у него, зачем он это сделал. А потом и будем решать.

– Дельная мысль. Альбина, – обратился директор к секретарше, – пригласите Бредова в кабинет.

Секретарша вышла и через минуту вошла, ведя за руку Алика Бредова.

– Бредов, – сказал директор, – подойди к столу и поведай нам, как это тебя угораздило совершить подобное.

Бредов молчал, уставившись в пол.

– Бредов, у тебя совесть есть? – спросил классный руководитель.

– Где?

– Во! Видали юмориста! – оживилась химичка злобно. – Погодите, он ещё пошлёт вас всенародно! Что тогда скажете!

– Кем ты собираешься стать, Бредов? – вдруг спросила физичка.

– Депутатом Госдумы.

– Ладно, Бредов, ступай за дверь и жди нашего решения, – подвёл черту директор и, лично выпроводив Алика за дверь, плотно притворил её.

Математик шумно вздохнул.

– Непонятно, что с ним происходит. Может быть, дома не всё в порядке. Может, болезнь роста. Парень-то он неплохой, с головой, с юмором... Хотя учится неважно. Мог бы и лучше. Непонятно.

– Вы для них устарели, Николай Иванович. Потому и непонятно, – язвительно заметила химичка. – В наше бандитское время с ними нечего церемониться! Вы разводите всякую старомодную психологию, а нужно действовать решительно. И что там Кавказ! У нас свои террористы под боком! Ученический след! Дожили!

– За упоминание о моем возрасте благодарю. А на пенсию мне пока рановато. Я ещё могу их чему-то научить. Меня другое беспокоит. Вы вот назвали наше время бандитским. Не оригинально. Но уж чересчур злобно. Как будто кроме бандитов никого вокруг не осталось. А заодно и учеников к ним с легкостью причислили. Я правильно вас понял?

– А то, что он со мной сотворил, это как, по-вашему, не бандитизм?!

– Это пристрастный взгляд. И что вы называете «старомодной психологией»? Доверие к ученику? Нет, они не бандиты. Во всяком случае, пока не бандиты. И в наших силах помочь им не стать ими. Они дети. Современные дети. Надо уважать в них личность. Они сейчас чутки к этому. Всякий несправедливый выверт со стороны взрослого воспринимают болезненно. Да, пусть они не усвоили пока той или иной математической истины, не поняли значения той или иной химической реакции, бог с ними! Поймут, когда нужно будет. Надо шире смотреть на вещи. Вы ведь тоже, простите за откровенность, когда-то не всё знали о той же химии, да и сейчас, наверняка, не обладаете всей полнотой знания. Даже об одном предмете в наше время всё знать невозможно. О других я уже не говорю. Требуется постоянное восполнение знаний. А это не так просто и не всякому дано.

– Но я-то знаю таблицу умножения, хотя к химии она не имеет никакого отношения!

– А я знаю таблицу Менделеева и многое другое. Ну и что! И потом таблица умножения – это не математика, а здравый смысл. Гордиться тут нечем. Подлинная математика – это поэзия! «Открылась бездна звезд полна, звездам числа нет, бездне – дна!»

– Ломоносов, между прочим, и химией занимался! – вставила победоносно химичка.

– Да, занимался. Но на каком уровне? В XVIII веке можно было заниматься всеми науками сразу. А ваша химия была в зародыше и не вредила земному существованию. Не то химия, не то алхимия. Все искали философский камень... Да и потом наука науке рознь. Не умаляю заслуг химиков. Но кто открывает новые звёзды? – математики! Кто пишет историю межзвёздных пространств? – математики! А химики, простите, загадили планету и пытаются свести на нет жизнь на земле! Я не знаю формулы сероводорода, но зато мне хорошо известен его отвратительный запах.

– Ничего в нем отвратительного нет. Запах как запах. Но то он и сероводород, а не «Шанель» номер пять!

– Да что вы прицепились к Бредову, ей богу? Это возрастное. Простите его. Ну, прикольный мальчик. Доставил себе удовольствие. Правда, сомнительного свойства, ну и что! Всё это пройдет! И всё с ним будет нормально, поверьте, если ему дадут закончить школу. Вы ещё слишком молоды, Инга Борисовна, настоящие беды, не дай вам бог, у вас впереди...

– Ах, вот как! Вам надо было в адвокаты идти, а не в математики! Уж больно изощёренно ведёте защиту!

– Я не веду защиту, я просто хочу объяснить вам, что происходит.

– А я не нуждаюсь в ваших объяснениях! У меня у самой голова на плечах имеется! – закричала химичка. – У вас есть дети? Или там внуки! Вы их в том же духе воспитывали?

Математик мгновенно побледнел, голова его затряслась:

– Мои дети – на том свете.

– Что вы, что вы, в самом деле! – зашептала секретарша химичке. – У него два сына из Афгана не вернулись, а вы!..

Математик встал, поклонился.

– Больше мне сказать нечего. Разрешите уйти. Если дойдёте до голосования, учтите, я – против исключения.

Выйдя из кабинета директора, математик наткнулся на Алика в компании с учеником из параллельного класса Лёхой Кузякиным. При выходе учителя ученики метнулись от двери и теперь жались в углу секретарской комнаты. Лёха спрятался за Бредова, глаза его испуганно косили ему в затылок.

– Ну что, Бредов Александр, поздравляю! – сказал математик смертельно усталым голосом. – Доигрался?

– Николай Иванович...

– Что, Александр Михалыч?

Алик встрепенулся.

– А откуда вы знаете, как моего папу зовут?

– Тебя это сейчас беспокоит больше всего? Что ты хотел сказать?

– Я хотел... Спасибо, господин учитель.

– За что, холоп?

Алик нахмурился, надул губы.

– Почему – «холоп»?

– Не нравится? А почему – «господин»?

– Так... «товарищ» теперь как бы не в моде...

– «Как бы!» «Не в моде!» – желчно передразнил математик. – Много вы понимаете! А спасибо-то за что?

– Ну... за то, что заступились.

– Подслушивали, стервецы!

Математик легонько съездил Бредову по затылку.

– Эх ты! Пора бы уже к тому, что делают руки, «как бы» мозги подключать! А? Как думаешь, приколист хренов? Извини за выражение.

Математик вдруг схватил Алика за ухо, потянул на себя и прошептал, выделяя каждый слог: – Ты когда-нибудь себе под задницу петарду подкладывал?

– Чего?

– Не подкладывал? А ты попробуй. А мы посмеёмся!

Алик Бредов смотрел на математика непреклонным взглядом.

– Николай Иванович, я не закрывал её и петарду не подкидывал.

- А! Ничем вас не проймёшь, – математик махнул рукой и направился в учительскую. Но тут его догнал Кузякин.
- Николай Иванович!
- Математик остановился.
- А тебе чего, Кузякин?
- Николай Иванович...
- Ну, говори, не тяни резину. У меня ещё три урока впереди. А голова уже распухла от ваших фокусов.
- Алик не виноват, – сказал хриплым голосом Кузякин. – Это я петарду подкинул. Я закрыл химичку в туалете.
- Математик, склонив голову на сторону, широко развел руками.
- Та-а-ак! Очень мило! Твоя школа? – спросил математик у Алика Бредова.
- Алик кисло улыбнулся.
- Бредов, а почему ты не отрицал своего участия в этом глупом кошмаре? Хотя и так ясно. Она тебе вчера столько гадостей наговорила... И тебе захотелось, чтобы это сделал ты.
- Угу.
- А где ты взял ключ, чтобы выпустить «кавказскую пленницу»?
- Он в двери торчал.
- И что теперь будем делать? – теперь математик обратился к Кузякину.
- Я не знаю...
- Ах, не знаешь! Тогда ничем помочь не могу.
- Нет! Знаю...
- И – что же?
- Признаваться надо, – уныло произнёс Кузякин.
- Как это не прискорбно. Нехорошо товарища подставлять. Согласен?
- Согласен.
- Тогда вперёд! – и широким жестом математик показал на кабинет директора.
- А вы?
- А что я? Я тебе не подельник. Сам выкручивайся.
- Лёха Кузякин понурился, по лицу пошли красные пятна.
- Эх вы, террористы доморощенные! Ладно, идите за мной. Оба!
- У кабинета директора математик пропустил ребят вперёд.
- Лёха Кузякин медленно приоткрыл дверь кабинета и спросил замогильным голосом: – Можно?
- Что тебе, Кузякин? – спросил директор. – У нас педсовет. Потом приходи. Закрой дверь. Ты меня слышишь, Кузякин?
- Но Кузякин, подталкиваемый математиком, буквально впал в кабинет и тут же закоченел на пороге. За ним вошел Бредов, встал рядом и выглядел не менее окоченевшим.
- Директор, едва сдерживаясь, чтобы не накричать, проговорил тихо, с расстановкой:
- Сейчас же выйдите из кабинета и подождите меня за дверью.
- Вслед за учениками на пороге показался математик.
- Извините, Георгий Владимирович, в том щекотливом деле, которое мы сегодня обсуждаем, появились, так сказать, неожиданные подробности. И вот эти два субъекта желают прояснить ситуацию.
- Нашли от кого ждать прояснения! – прошипела химичка.
- Математик ткнул Кузякина в спину и сказал:
- Что же ты молчишь, Алексей. Расскажи учителям, как было дело.

На Кузякина страшно было смотреть. Он позеленел, голова вжалась в плечи, колени ходили ходуном. И всё-таки, едва держась на ногах от напряжения, он дрожащим губами выговорил необходимые слова:

– Это я сделал.

– Что ты сделал? – спросил удивлённо директор.

– Запер... Ингу Борисовну... в туалете.

– А-а! – завопила химичка. – Ещё один террорист! И он имеет наглость во всеуслышание заявлять об этом! Негодяй! Ублюдок! Выкинуть его из школы! С позором!

– Инга Борисовна, успокойтесь, и выбирайте, пожалуйста, слова! – заволновался директор.

– Позвольте! – вступился математик. – Мальчик добровольно признался в содеянном. Проявил мужество. И заслуживает за это уважения. Разве я не прав?

– А вы! вы! вы! – кричала химичка вне себя. – Смотрите-ка, он ещё и героем хочет выставить этого недоноска! Подлый интриган! Самовлюбленный эгоист! Он, видите ли, звёзды открывает, а мы, грешные, только землю поганим! Ваши дети тоже наверняка были отъявленными хулиганами, если вы за этих заступаетесь! Старый осёл!

Математик пошатнулся, схватился за сердце, и Бредов с Кузякиным, выйдя из оочеченения, тут же вывели его в коридор. Вслед за ними кинулся директор.

Взоры оставшихся обратились на химичку.

Химичка с побелевшими глазами в истерике повалилась на диван и громко зарыдала. Секретарша налила в стакан воды и бросилась ее утешать.

А кончилось это тем, чем и должно было кончиться. Математика Николая Ивановича на «скорой» с инфарктом увезли в больницу. Учительница химии на следующий день подала заявление об уходе. Лёхе Кузякину за хулиганское поведение в школе объявили «строгий выговор с предупреждением».

Но были и положительные последствия. Бредов и Кузякин стали неразлучными друзьями. Прикалываться они, конечно, не перестали. Только теперь проделывали это исключительно со своими сверстниками, и приколы их не носили столь кровожадного характера.

Март, 2005 год.

Шёпот стрекоз

1

Будущий дизайнер Ольга Удальцова готовилась к сдаче дипломного проекта. До защиты оставалось полтора месяца, а у неё, как говорится, и конь не валялся. Ольгин руководитель, он же директор Художественного училища, где училась Удальцова, Сергей Петрович Аполлонский, поторапливал свою подопечную, стыдил за медлительность, даже уговаривал. Кому другому в этом случае грозило бы исключение, а тут – вот ведь какая штука! – ждут, надеются. На самом деле всё объяснялось очень просто – Аполлонский верил в искромётный Ольгин талант и понимал, что так уж она устроена: тянет-тянет, а потом возьмёт и выдаст такое, что у всех люгая зависть заиграет в крови. Может, к этому примешивалось ещё что-то, сугубо личное, кто знает...

Ольгина медлительность давно перешла все границы. Она сама отчётливо понимала это и мучилась. Ей самой хотелось поскорее разделаться с этим несчастным дипломом. Она постоянно ощущала невыносимую тяжесть в организме. Словно там сидела какая-то злюка и давила поочерёдно то на сердце, то на печень, то на желудок. Она почти не ела, мало спала. Что будет дальше – никто не знал. Дизайнеров за последние десять лет расплодилось больше, чем Ивановых в России. Среди дизайнеров назревала безработица.

Каждый день на Ольгу накатывал энтузиазм, и она лихорадочно хваталась за карандаш или садилась за компьютер. А часа через два превращалась в испорченную надувную игрушку, из которой постепенно выходил воздух. Руки опускались, к горлу подступала зевота, начинала болеть голова и какая-то необоримая тоска наползала на сердце.

Она перебрала массу всевозможных тем, которые были по-своему интересны и могли бы принести автору популярность. Но, что поделать, ни к одному из них не лежала её душа. Всё казалось надуманным, вымученным или, что ещё хуже, претенциозным и пошлым. Словом, не стоящим внимания настоящего художника. А ведь Ольга считала себя именно художником – так ей подсказывала интуиция.

Аполлонский то сердился, недоумённо пожимая плечами, то сокрушённо качал головой, восклицая: «Ты слишком придиричива к себе, Удальцова! Решись, наконец, на что-нибудь! А там видно будет. У тебя всё впереди, а сейчас главное – диплом! Пойми, никто не ждёт от тебя шедевра, только профессионализм!» Как ни странно, последний довод задевал Ольгу больше всего. Она замахивалась именно на шедевр, её творческое самолюбие требовало совершенства.

Поначалу Ольга паниковала, а потом махнула на всё рукой и забылась в океане равнодушия. А за месяц до назначенного срока, сославшись на семейные обстоятельства, объявила, что и вовсе отказывается от диплома. По крайней мере, в этом году.

Семейные обстоятельства не были выдумкой. В свои двадцать два года Ольга успела выскочить замуж, родить ребёнка, развестись и вновь вскочить в родительское гнездо, которое к тому времени тоже было на грани разорения. И оно разорилось. Ольгина мать, давно готовая к этому, особенно не переживала. Или не показывала вида.

Параллельно семейным передрягам Ольга училась на дизайнера – мама посоветовала – денежно и престижно. Ради такого случая она даже пошла на жертву: возложив финансирование учёбы на плечи бывшего мужа, оставила небезынтесную работу на телевидении и стала терпеливо ухаживать за внучкой. И потому неожиданный отказ дочери от диплома не только огорчил её, но и оскорбил.

– Оля, ты меня убиваешь! – сказала мама, хватаясь за сердце.

– Мама, не дёргайся. Всё под контролем, – иронизировала дочь.

– Что значит, «не дергайся»? Ты с кем разговариваешь?!

– А что я такого сказала?.. Ну, прости. Просто я не знаю, что делать. У меня ничего не получается. У меня нет подходящей темы. Я – бездарь, наконец!

Мама сделала круглые глаза и пошла в наступление.

– Вот так новости! Как это может быть?! Ты же ведь не шалберничала все эти четыре года! И вдруг... нет темы! Фантастика! У тебя были такие чудесные курсовые! Особенно мне нравилось оформление летнего кафе на морском берегу. Там всё у тебя пело, сверкало! А какие ты сочинила витражи, с ума сойти! Да если б такое кафе построили на самом деле, я б туда каждый день ходила! Да нет! Я просто не выходила бы оттуда! Сидела бы целый день в сказке! И вот тебе, здарсьте, приехали! У неё, видите ли, нет подходящей темы! Чушь! Лентяйка! – мать повысила голос, в ней закипало раздражение. – Скажи мне, а для чего я бросила работу?! Для чего я поперёк своим желанием сидела с твоим ребёнком?! Нет, я буду «дёргаться», пока ты не устроишь свою судьбу!

– Мама...

– И слушать не хочу! Сдавай диплом и ищи работу по специальности!

– Начинается, – простонала Ольга.

– Что начинается?!

– А к чему этот разнос? Сколько можно перемалывать одно и то же! Надоело!

– Оля! А мне надоели твои выкрутасы! Это что же получается, вся учёба – коту под хвост?!

У Ольги вмиг повлажнели глаза. Мама тут же переменяла тактику. Она подошла к дочери, обняла за плечи.

– Да что с тобой, милая? Ты думаешь, я не вижу? По ночам не спишь, смотришь в окно...

Ольга резко отстранилась.

– Ты ещё скажи, что я никудышняя мать! Забросила ребёнка и тэдэ и тэпэ!

– Не скажу. Не наговаривай на себя. Во-первых, мать ты замечательная. Всё успеваешь. И ребёнок тебя не забывает. Здесь у меня нет претензий. А во-вторых, я сама тебя вытолкала учиться. В твоём случае обязательно нужно иметь профессию! И непременно востребованную!

– Что значит, *в моём случае*?

– Ну... ты понимаешь, о чём я... Я хотела сказать – тебе лучше ни от кого не зависеть, вот!

– С независимостью у меня, кажется, всё в порядке. Иду по твоим стопам. Скажи честно, папа именно из-за этого...

– Сейчас речь не обо мне! – резко оборвала мама, поджав нижнюю губу.

– Прости. А когда это я смотрела в окно?

– Было, было. Да и в другое время до тебя не достучишься. По несколько раз приходится один и тот же вопрос задавать. Доча, ты здорова?

– Здорова я, мама! Здорова, как корова!

– Тогда что же тебя тревожит?.. А!.. Понимаю – влюбилась!

Ольга фыркнула.

– Скажешь тоже! Я *думаю*, мама! Я имею право *думать*?

– О чём же ты думаешь?

– Об этом дурацком дипломе! Вот о чём. Ты довольна?

– Ну, почему же дурацком...

– А потому – всё, что я ни делаю, никому не интересно! Кроме тебя и... нашего директора. Всё это туфта ивановна! Прошлый век, как говорит мой приятель.

– Тише, Ксюшу разбудишь. Вот что я тебе скажу, дорогая, от таких приятелей надо держаться подальше. Просто он тебе завидует.

– Не смейся.

– Да-да! Это распространённая болезнь. Причём, заразная и не лечится.

Ольга распахнула окно и, выставив руки наружу, проговорила тихо:

– Вот превращусь в стрекозку и улечу от вас навсегда...

Мама всхлипнула, на что Ольга, повернувшись к ней, сказала с виноватой улыбкой:

– Ладно, успокойся. Пока посижу дома, если не возражаешь. А там... найду себе какую-нибудь работёнку. И всё. Я так устала, мам... Давай закончим этот разговор. Я спать хочу.

Мама тяжело вздохнула и молча вышла из комнаты.

Утром следующего дня Ольга отправилась в училище, чтобы забрать документы. Но встретила неумолимое сопротивление Аполлонского. Он заперся с Ольгой у себя в кабинете и два с лишним часа толковал о бессмысленности её поступка. Он говорил, что глупо из-за какого-то – пусть творческого! – гонора, отречься от своего дарования; что это не тот случай, когда надо выказывать характер, тем более, он скорее скажется в обратном – если она захочет преодолеть внутреннюю неразбериху и завершить обучение, как и полагается, защитой диплома. А в конце своего горячего монолога, который Ольга ни разу не прервала ни единым звуком, Аполлонский встал перед ней на колени. Глаза Ольги ожили, потеплели...

И вот тут-то он преподнёс ей сюрприз.

– По известной причине, я не хотел вам сразу говорить об этом, уважаемая Ольга Николаевна, – официально начал Аполлонский вторую часть своего монолога, немного волнуясь и изобразив некоторую торжественность на лице. – На наше счастье – я имею в виду Художественное училище – судьба к нам... благоволит! Вчера вечером мне позвонил сам... господин Добровольский! Вам это имя о чём-то говорит?

– Абсолютно ни о чём, – отрезала Ольга, даже не пытаясь вникнуть в сказанное Аполлонским.

– Удальцова! Не дури! – театрально возмутился Аполлонский. – Это президент всемирно известной строительной компании! К тому же – наш спонсор!

– Ну и что?

– Ты не права. От таких предложений не отказываются. Не то время...

– От каких таких?

– Но ты же не даёшь мне сказать! Нашему училищу предложили грандиозный заказ! Интересный по замыслу... Да и вознаграждение...

– Сергей Петрович...

– Не перебивай, Удальцова! Нам предлагают оформление элитного аквапарка!

– Ох, уж эти аквапарки! Бетонные гробы нового поколения. Валяются, как карточные домики и никто не виноват!

– Прекрати! Не ворчи, как старуха. Это совсем другое. Не какая-нибудь скороспелая шарашка, а солидная компания. Она пользуется только проверенными проектами и строит исключительно силами квалифицированных работников. Никаких глупых экономий и отступлений от инженерных расчётов. Всё под строжайшим контролем...

– Вам заказали рекламный ролик?

Аполлонский остановился, встряхнулся, как от наваждения.

– Как же трудно с тобой разговаривать! И что ты завела меня на эту... скользкую тему!

– Не хочу поскользнуться.

– Всё будет в порядке, ручаюсь. Ну вот, сбילה меня с мысли... О чём я?..

– О «грандиозном заказе».

– Так вот... я решил поручить эту работу нынешним выпускникам училища. Андрианова займётся подъездами и вестибюлями. У Федоренко – балконы и коридоры. У Ерёминной – внутренний двор с газонами и всякой растительной экзотикой. Автономовой поручается малый бассейн. А тебе – слушай внимательно! – экран-витраж главного бассейна.

– Экран?!

– Именно! Это должна быть особенная работа, Удальцова. Видишь ли, аквапарк строится на берегу известного водоёма. Стена главного бассейна проходит по берегу. Архитектор решил сделать её прозрачной, чтобы бассейн визуально как бы соединялся с естественным водоёмом и... у купальщиков, таким образом, создавалось бы ощущение, что они плавают не в здании, а на самой природе. Ты меня понимаешь?

– А причём здесь витраж? Чего проще – сделал стену стеклянной...

– Э, не-ет! Не всё так просто... Автору экрана-витража предлагают дополнить естественный пейзаж чем-то... волшебным, что ли. Для того и понадобилась идея экрана-витража. Я не готов сейчас выразиться яснее, но, думаю, тебе нужно создать нечто вроде идеального фильтра, который оставлял бы стену прозрачной, то есть, не перекрывал бы пейзаж, но в то же время оживлял бы его дополнительными художественными средствами. Короче, придумай такой витраж, который показывал бы то, что и так все видят, и вместе с тем нечто тайное в природе, доступное только глазу и сердцу художника, – коварно вывел Аполлонский, провоцируя взрыв Ольгиного самолюбия.

– Только и всего?! – хохотнула Ольга.

– Да, задание непростое. Я сам в тупике. Как это можно сделать, пока не понимаю... Но, думаю, ты справишься. У тебя голова молодая, свежая... И потом, ты у нас гениальная фан-тазёрка! Это и будет твоим дипломом. Срок защиты, если понадобится, перенесём на осень. Ты согласна, Удальцова?

Но Ольга уже витала в причудливых коридорах своего воображения. Она отрешённо смотрела в окно, за которым, примостившись на узком жестяном карнизе, чистили пёрышки две взъерошенные синицы.

– Оля, прошу тебя не отказываться, – сказал Аполлонский после минутного молчания, впервые назвав свою любимую ученицу по имени. – Это жутко интересная задача и, уверен, по силам только тебе.

Теперь и он, повернувшись к окну, наблюдал за синицами, продолжавшими с завидным усердием и обстоятельностью приводить себя в порядок.

– Знаешь, хочу тебе признаться, – голос Аполлонского прозвучал с особой проникновенностью. – Меня всегда поражали твои работы и... вдохновляли, да! Каждый раз я собирался забросить всю эту административную канитель, чтобы уехать куда-нибудь... в глубинку и писать, писать!.. Я ведь по первому образованию – живописец...

Неожиданное признание Аполлонского вернуло Ольгу в лоно кабинета. Она услышала в голосе директора растерянность и робкую надежду. И сердце её рванулось ему навстречу. Сейчас она ясно понимала, что им владеет неподдельное желание помочь другому, начинающему, найти свой путь в мире бездорожья и ложных ориентиров.

– Так как, Удальцова, берёшься?

Ольгу вдруг охватил странный трепет. Головой она понимала, что браться за подобную работу да ещё в сжатые сроки – безумие. Однако энергия, жившего в её сердце творца, вдруг дала о себе знать и слегка толкнула под бок: «Давай, мол, дерзай! Чего ты теряешь? Не получится, останешься без диплома. Только и всего. Не этого ли ты сама хотела, когда шла сюда утром за документами?»...

2

Когда Ольга пошла в школу, родители приобрели небольшой дачный участок, южнее Москвы, неподалёку от Чехова, что на реке Лопасне. Дачный кооператив располагался на лесной вырубке. В ста шагах от въездных ворот лежал большой чистый пруд. В ближнем лесу водились грибы, ягоды, орехи, а в пруду – караси и ротаны, большеголовые рыбёшки, род бычков. Кусок земли, отведённый под участок, был небольшой, в нём, наверное, не насчитывалось и шести соток, но ухоженный, с опрятным летним домиком на две комнаты, с ажурным крыльцом, и крохотной кухонькой, стоящей отдельно в глубине участка.

Больше всех даче радовалась бабушка, папина мама. Утомлённая жизнью в большом городе, она всегда подсознательно рвалась на природу и часто вспоминала о своём деревенском детстве. Тогда ещё полная здоровья и сил, она с невиданным азартом набросилась на грядки и жила на даче добрую половину года, от холодов до холодов. Олины родители наезжали редко и обязательно с друзьями, шумной компанией. В грядках не копались, парников не сооружали. Всем заправляла бабушка. А они большую часть времени проводили на пруду – купались, загорали и возвращались на дачу только для того, чтобы изжарить непременно шашлык из курицы или полужирной свинины с мелкими зеленоватыми луковичками, возвращёнными бабушкиными руками, или ухватить с грядки то ягодку, то огурчик, то помидорчик.

Понятно, что на летние каникулы родители сплавляли дочурку на дачу, под бабушкино крыло. Оля не сопротивлялась. Здесь было купание, прогулки по лесу, вечернее сидение у костра. Кто-то из взрослых даже придумал театрализованную игру: в условленный день, ближе к концу лета, на пруду устраивался «праздник Нептуна!» Здесь легко дышалось. Здесь была воля. И ею хотелось воспользоваться сполна.

Летний день на даче всегда начинался с одного и того же. Соседский мальчик Кирилл, с дачи напротив, старше Оли года на три, подходил к Олиной калитке и бросал протяжно в утренний воздух: «О-о-оль!». С периодичностью в пятнадцать-двадцать секунд «зов марала», как окрестил его дедушка Кирилла, повторялся с прежней силой и заученной интонацией, будто записанный на магнитную ленту: «О-о-оль!». И только когда Олина бабушка подходила к калитке и говорила тихо «Кириуша, не кричи, она ещё спит», зов прекращался. А тот, кто издавал его, воинственно воздев удочку кверху, на манер копья, шагал по направлению к пруду. Охотник уходил за добычей.

Ровно через полчаса просыпалась Оля. Теперь она подходила к калитке Кириллова дома и с такой же периодичностью бросала через прозрачный заборчик тоненьким голоском: «Кири-и-илл!». На этот раз отзывался дедушка Кирилла: «Чтоб вас черти защекотали! С самого утра горланят, как на переключке! Никакого покою! Нету его! На пруд убёг, рыбу пужать! Догоняй!»

Оля стремительно срывалась с места и бежала по длинной зелёной улице, изредка подсакивая на рассыпанной по дороге щебёнке. «Оля! Оля, куда ты? – кричала вслед бабушка. – А завтракать?!» – «Не хочу!» – отвечала на бегу внучка и мгновенно исчезала из поля зрения.

Но однажды Оля проснулась раньше обычного, чем удивила и обрадовала бабушку. Её чуть раскосые, цвета вишнёвой косточки, глаза смотрели ясно и весело. Ещё не высохла утренняя роса, ещё не смолкли запоздалые петухи, когда она выскочила из дома, босиком и, зачерпнув ладонями из бочки прохладной ночной водицы, рассыпала её над собой сверкающими алмазами и принялась с визгом скакать по дорожке. Глядя на её худенькое стройное тельце, бабушка блаженно улыбалась и приговаривала: «Вот ведь бесёнок!» – «Бабушка! – кричала внучка звонко. – Бабушка!» – «Чего тебе, Оля?» – «Ничего, просто так!» – отвечала она, заходясь в искрящемся смехе.

А потом совершался утренний ритуал причёсывания.

– Стой, не вертись, красавица! – восклицала бабушка, заплетая внучке тёмную, лоснящуюся на солнце, косицу и тут же щекотно шептала ей на ухо: – Ты мне вот что скажи, что это такое?! Я ведь слышу, как вы разговариваете... Через каждое слово – «блин»! Блины на сковороде пекут. Их едят. А превратили в срам какой-то. Боишься лишней раз произнести.

– Ну, бабушка! Все говорят, – отвечала Оля, норовисто зыря из-под густых ресниц.

– Пусть говорят! А у тебя своя голова. Зачем глупости повторять. Не маленькая. Десять – уже!

– Нет ещё десяти, – уточнила внучка.

– Ну, будет скоро, через какой-нибудь месяцок. Я не об этом, – вздыхала бабушка. – Горы твои моё! Что-то из тебя получится...

Пока бабушка трудилась над Олиной причёской, та беспрестанно поглядывала за калитку.

– Ты куда смотришь? И не думай даже. Родителям что обещала? Ну-ка, вспомни! В день – по десять страничек. А я тебя уже целую неделю за книгу не могу усадить. Пока не прочтёшь... ну да ладно, на первый раз хотя бы три странички, никуда не пушу. Так и знай! А то вырастешь неучем. Что там у тебя по списку?

– Ну, бабушка!

– Не «бабушкой»! Оля, я тебя спрашиваю!

Оля картинно закатила глаза и, коверкая слова, протянула гундосым басом:

– «Слипой музыкант!»

– Не ковятайся. Говори нормально. А чьё это произведение, знаешь? Кто автор?

– Ну, бабушка! Короленко какой-то...

– Это ты пока *какая-то*! А Владимир Галактионович в своё время был приличным писателем.

Ольга встрепенулась, округлила глаза.

– А ты откуда знаешь, как его зовут? Ты была с ним знакома?

– Господь с тобой! Я ведь тоже училась когда-то...

– А кто-то говорил, что в детстве за коровами ходила!

– И за коровами ходила, и книжки читала. Всё успевала. Так что бери «Слепому музыканта» и – вперёд!

Покончив с Олиной причёской, бабушка принялась за вязанье.

– А «Дети подземелья» вам, случайно, не задавали?

– Ты и это знаешь! – не переставала удивляться внучка.

– Я, милая моя, много чего знаю. Всё-таки жизнь прожила.

– Ещё не прожила. Ты же живая!

– Живая, слава богу. А ты хочешь меня уморить. Читай! Или нет, постой! – бабушка подскочила на стуле, взяла с перевернутого вверх дном ведра ярко-красный помидор, протянула внучке. – Сначала съешь помидорчик. Первый! Специально для тебя сорвала. Скоро пойдут. Ешь! В воскресенье родители приедут, так мы им пока с собой не дадим. Мало ещё хороших-то.

– Нет, бабушка, – возразила Оля. – Хорошего надо всем понемножку.

Бабушка опустила вязанье, погладила внучку по тщательно расчёсанным волосам, звучно поцеловала.

– Вот за что я тебя люблю! Молодец, девка!

Увидев близко перед собой иссечённое морщинами бабушкино лицо, Оля уставилась на него в удивлении, замерла.

– Ты чего, Оля? – испугалась бабушка.

– Бабушка, я заметила, у тебя глаза бывают то голубые, то серые. Это отчего?

– Так уж Господь распорядился. Всю жизнь – то голубые, то серые. Когда мне хорошо – голубые. Когда плохо – серые. Ой! – спохватилась вдруг бабушка. – Про таблетки-то я и думать забыла! Дай мне, Оля, там, в кухне, на столе...

От перенесённого стресса, последовавшего год назад после скоропостижной смерти мужа, бабушка нажила себе диабет и теперь по рекомендации врача регулярно принимала лекарство и следила за своим рационом. И глаза у неё теперь чаще были серые.

Проглотив таблетки, бабушка снова принялась за вязанье.

– А сейчас у тебя – голубые! – сказала Оля, тыкая пальцем бабушке в лицо. – Значит, сейчас тебе хорошо?

– Хорошо, девонька. Только не тычь пальцем в лицо. И нечего про мои глаза зубы-то заговаривать. Бери книжку и читай. Вслух читай!

– Ну, бабушка! Не буду вслух.

– Почему это?

– Мне тяжело.

– Что тяжело?

– Слова произносить.

Бабушка рассмеялась дробно, подпрыгивая на стуле грузным телом.

– Ишь, чего выдумала! Слова ей тяжело произносить! Вот насмешила так насмешила. Ну, тогда читай про себя, если вслух тяжело. А потом перескажешь. Я от тебя не отстану.

– Ну, бабушка!

– Читай, читай, не «бабушкой»! А я клубнику полью, пока воду дают.

И бабушка принялась деловито расправлять по-змеиному свёрнутый зелёный армированный шланг.

Между тем дачники просыпались. Где-то в углу дачного кооператива, у самого леса, по-собачьи взвыл электрорубанок. В другом углу, ближе к пруду, заверещала с рассыпчатым звуком циркулярка. На соседних участках с двух сторон одновременно пузырясто зажужжали триммеры – ручные электрокосилки.

Бабушка обожала тишину. Первой отрадой для неё были шелест листвы и птичье щебетанье. И потому каждый механизированный звук она встречала в штыки – сердце не принимало.

– Дождались! Начался денёк, – проворчала она, направляя струю воды на грядку с клубникой. – Опять повключали свои бздюкалки, прости господи!

– Ну, бабушка! – укорила внучка. – Мне говоришь, а сама...

– А ты не слушай. Заткни уши и читай, – наставляла бабушка, бурча себе под нос скороговоркой: – А что я говорю? Я правду говорю. И безо всяких «блинов».

Оля взяла книжку и, приблизив её к лицу, широко зевнула, словно желая проглотить. Но потом всё-таки открыла и долго листала в поисках картинок.

С тыла бабушкиного участка, совсем рядом, зажужжал ещё один триммер. От неожиданности бабушка упустила шланг.

– Тьфу! И этот... кавалерист в жёлтой майке – туда же!

Оля оторвалась от книги, посмотрела на соседа в жёлтой майке.

– А почему «кавалерист»? – спросила она.

– А как же не кавалерист! Ноги колесом и лошадиная привычка фыркать на соседей, – с чувством проговорила бабушка, видимо, вспоминая какую-то недавнюю обиду. – А ты читай, не отвлекайся!

Через пять минут Оля отложила книгу в сторону и взялась за удочку. Но бабушка была начеку.

– Сколько прочитала?

– Три страницы...

– Уже! А если честно?

– Ну, две... с половиной...

– Ох, ты хитрюшка! Ладно, гуляй на здоровье. Да смотри, не перегуливай. Жду тебя к обеду, не позже.

Оля подпрыгнула кузнечиком, натянула на глаза белую панамку и, ловко проскакав между грядок, шмыгнула за калитку. Утренний зов на этот раз не понадобился. Тут же из противоположной калитки показался Кирилл с удочкой наперевес. Оля подскочила к нему почти вплотную и, загадочно выглядывая из-под панамки, произнесла с вкрадчивой томностью: «Привет!»

Кирилл смущённо поднял белёсые брови, подался назад.

– Ты чего?!

– Ничего. Просто здороваюсь.

– Ну, привет.

Затем они двинулись по дачной улице, усыпанной ярко-жёлтыми одуванчиками. Впереди шёл Кирилл. Оля семенила чуть позади. Над пышной соломенной головой Кирилла кружил тяжёлый шмель.

– У тебя над головой оса летает, – заботливо сообщила Оля.

– Это не оса, а шмель, – авторитетно поправил Кирилл.

– А он тебя не укусит?

– Подавится волосами!

По дороге на пруд к ним присоединились ещё двое: Танька-шоколадка, пухлая пятилетняя девочка в коротком ситцевом платьице со множеством оттопыренных карманчиков по бокам, и шестилетний Лёнька-тормоз, тощий малыш с длинными постоянно хлопающими ресницами и бесконечно хлюпающим носом.

– Что у тебя в карманах, Танька? – спросил Кирилл, зная ответ.

– Соколадки, – охотно ответила Танька, погладив кармашки коричневой от растаявшего шоколада ладошкой. Танька не выговаривала букву «р» и шипящие.

– Рыбу на них будешь ловить? – подначивал Кирилл.

– Тозе, плидумал! Сама буду есть! – отвечала Танька, отправляя в рот очередную шоколадку.

– А ты кроме шоколада что-нибудь ешь?

– Ем. Сникелсы и Тюпа-тюпс!

– Смотри, будешь есть один шоколад – превратишься в негритоса!

Танька остановилась, в испуге вытаращила глаза. Но, подумав, ответила:

– Ну и пусть! Зато вкусно.

Лёнька-тормоз, прозванный так за чрезвычайную медлительность своего соображения, всё это время забегал наперёд и, раскрыв рот, замороженно смотрел, как легко Танька разделяется с содержимым своих кармашек. Отчего у него беспрерывно хлопали ресницы и слюна текла по подбородку.

На пруду у ребятшек было своё излюбленное место – крохотный заливчик со стороны дач. Здесь было уютно и тихо, только изредка, как сквозь вату, с соседнего пляжа у дамбы, доносились плеск воды и крики купающейся детворы. Пятачок земли на берегу, окружённый густыми зарослями ивняка, охраняли две старых раскидистых ветлы. Мощными непроницаемыми для света кронами они надёжно укрывали берег от солнца. Поэтому даже в жаркую погоду здесь было относительно прохладно. Тень падала и на деревянные мостки, которые соорудил дедушка по просьбе Кирилла. Оля и Кирилл усаживались на мостки, опустив ноги в воду, а Танька и Лёнька вставали на берегу по обе стороны, как пажи царствующих особ.

И так они проводили время с утра до обеда. А иногда опаздывали и к ужину. И сегодня они выстроились в заведённом порядке и забросили удочки...

В ожидании поклёвки Кирилл с гордостью посматривал на своё новое орудие лова со сверкающей на солнце катушкой, оснащённой бесшумным тормозом – отец подарил. Он вспомнил, как ещё два года назад дед сам смастерил внуку удочку. Срезал в лесу гибкий ореховый прут, к нему привязал леску, на леску нанизал поплавок, сделанный из обыкновенной пробки, затем прикрепил кусочек свинца – грузило, наконец, – крючок, и снасть, именуемая поплавочной удочкой, готова.

Но от прогресса спасения нет. И вот пришла пора, когда поплавочные удочки стали оснащаться тем, что раньше было привилегией спиннинга – катушкой с намотанной на неё многометровой леской. С такой удочкой следует обращаться умело: во-первых, надо постараться при закидывании не задеть за ветви, растущих у тебя за спиной деревьев или, не дай бог, за соседа; во-вторых, надо следить за тем, чтобы крючок с наживкой упал в заранее намеченное место. И самое главное – не дать катушке раскручиваться с большей скоростью, чем разматывается леска, иначе с леской начинает твориться нечто неопишное: в доли секунды она превращается в большой синтетический комок со множеством петелек и узелков, называемой у рыбаков «бородой»... Бороды, конечно, бывают всякие: простые, легко распутываемые, и сложные, трудно распутываемые или не распутываемые вообще. Тогда у особо нервных рыболовов в ход идут ножи.

Однако есть счастливые люди, своего рода мастера, для которых распутывание самых нераспутываемых бород – пустяковое дело. Тут важно уяснить, что узелков в бороде на самом деле и нет, а есть лишь множество взаимно переплетенных петелек. Вот эти петельки нужно углядеть и в должном порядке освободить из обоюдного плена.

И он, Кирилл, был таким мастером, хотя сам бород не делал никогда, поскольку управлялся с катушкой ловко и грамотно. Остальным малолетним рыболовам такая задача была не по зубам, и им часто приходилось обращаться за помощью к Кириллу. Но если без конца распутывать чужие бороды, то когда ловить самому!.. И однажды Кириллу надоело это, и он стал брать за распутывание плату. За простую бороду – десять рублей, за сложную – двадцать пять, ну, а уж за суперсложную – все пятьдесят! Кирилл сам определял сложность бороды, сам устанавливал таксу. Поначалу ребяташки чурались платной помощи, а потом привыкли и стали, наряду с червями, брать с собой на рыбалку значку, скопленную из денег, выданных родителями на мороженое и всякую «колу», продающихся в палатке у ворот.

– Зачем тебе столько денег? – как-то спросила Оля.

– Мой папа говорит: «У кого много денег, тот король!»

– Теперь короли не бывают.

– Еще как бывают! Абрамович – король? Король!

– А кто это?

– Ну, ты даёшь! Да его все знают! Король Чукотки и футболистов. Ты чего, телик не смотришь?

– Мама не разрешает. Говорит, там теперь засилье рекламы и сплошная «па... шлятина»!

А ты случайно не знаешь, что такое «пашлятина»?

Кирилл задумался.

– «Пашлятина»? Ну, это когда много... про еду показывают.

– А-а!.. И у него есть корона?

– У кого?

– У этого... Арабовича?

– Не Арабовича, а Абрамовича! И при чем здесь корона?

– Ну, он же король!

Кирилл насмешливо повёл головой.

– Вообще-то, он, если захочет, сможет купить и корону. У него денег навалом, выше крыши. Больше, чем у целого государства.

– Ну-у, это не настоящий король, а за деньги. А ты хочешь быть таким королём?

– Нет, я хочу компьютер прикупить.

– Но у тебя же есть!

– А, допотопный! Прошлый век. Памяти мало, скорость, как у черепахи, и вообще дизайн устарел. Папа сказал, будешь зарабатывать – купишь себе новый. А пока обходись этим.

– А мой папа говорит: «Надо учиться. Без учёбы ничего не будет».

– А мой папа говорит: «Пока дурак учится, умный деньги загребаёт».

Кирилл покосился на Танькин поплавок и закричал:

– О-о-о! У тебя клюёт, Танька!

Танька испуганно вскочила, с силой дёрнула за удилице. Голый крючок просвистел над Олиной головой, едва не задев за ухо.

– Эх, сорвалась! Опоздала, – заключил Кирилл.

– И сто тепель делать?

– Ничего. Лови, пока не поймаешь.

Танька громко вздохнула от огорчения, достала из кармашка последнюю шоколадку и принялась жевать. Лёнька смотрел на Таньку и сглатывал слюну – очень хотелось шоколадки, а попросить он не решался – всё равно не обломится. От жары шоколад тёк у Таньки по рукам, по лицу, по платяницу.

– Танька, умойся, рыбу распугаешь! – смеялся Кирилл.

Но Танька, продолжая жевать, упёрлась сонным взглядом в поплавок и ничего не отвечала.

Солнце перевалило за полдень. И хотя ребяташки сидели в тени, жара доставала их и здесь. Парило. Воздух будто застыл. Поверхность пруда, гладкая, как зеркало, слепила. Поплавки давно уже стояли без малейшего движения. И только лёгкие водомерки на своих тонких волосяных ножках сновали туда-сюда, словно курьеры.

Появились сине-зелёные стрекозы с прозрачными, отливающими перламутром, крылышками. Они кружили над выступающими из воды водорослями в поисках пищи: мошек, комаров и прочей микроскопической живности. Одна из них, с ярким синеватым отливом, села на поплавок Кирилловой удочки. Поплавок закачался, по воде пошли круги. Кирилл замахнулся на неё, но стрекоза продолжала сидеть, изящно балансируя крылышками. Вдруг на неё нацелилась большая лягушка, но промахнулась. Стрекоза взлетела, а лягушка врезалась белым брюхом в острие поплавок. Поплавок утонул и всплыл в другом месте, ближе к растущему в воде массиву осоки. Кирилл с досады ударил кулаком по коленке, переброев удочку.

Стрекоза, не пойманная лягушкой, подлетела к Оле и села на удилице прямо возле её руки. Оля никогда не видела стрекозу так близко. Она с интересом рассматривала тонкое тельце с кланяющимся хвостом и синими шаровидными глазами. В какой-то момент ей показалось, что у стрекозки и нет ничего более, кроме прозрачных с тончайшими прожилками крылышек и глаз. И эти глаза сейчас смотрели прямо на неё.

– Лови её! – тихо закричал Кирилл.

– Зачем? – недоумевала Оля.

Стрекоза вспорхнула и, покружив над Олиной головой, полетела над слепящей водой и вскоре растворилась в дымящемся от жары и света воздухе.

– «Зачем, зачем!» На крючок насадить! Вот зачем!

– А разве... на стрекоз ловят?

– На всё ловят! Лишь бы клевала.

Оля устремила взгляд в дрожащую даль, куда улетела синяя стрекозка, и задумалась.

– А как ты будешь зарабатывать? – неожиданно спросила она.

– По всякому. Вот вам бороды распутываю. А ещё ящерок ловлю.

– Ящерок?!

– Ну! Наловлю полную банку... А в Москве толкаю малышне. Кому – по десятке, кому – по пятнашке. А то и по тридцатке. По социальному статусу ориентируюсь.

– А когда вырастешь?

– Торговать буду. А ты?

– Не знаю...

Танька вдруг засобиралась.

– Ты куда? – спросил Кирилл.

– Соколадки контились. Пойду у бабушки попросу.

– Если даст, – усомнился Кирилл.

– Даст! – ответила Танька уверенно. – Я каплизнуть стану. Она мне клитит: «Не каплизь, поганка! У меня от тебя голова ласкальвается!» А я всё лавно каплизую. Она и безыт в палатку за соколадкой.

– И я тоже пойду... Всё равно не ловится, – подхватил Лёнька и, пронзительно шмыгнув носом, дунул за Танькой вслед.

И только они ушли, на рыбу напал, как говорят рыбаки, отчаянный жор. Кирилл не успевал нанизывать наживку. Вскоре у него образовалось полное ведёрко желтобоких карасей вперемежку с отдувающимися огромным жабрами скользкими ротанами. Оля тоже успела подсечь трёх карасиков. От радости она засуетилась и... вот ведь невезенье! В самый неподходящий момент катушка завизжала и резко остановилась, увязнув в пене запутавшейся лески.

Оля с ужасом взглянула на образовавшуюся бороду и перевела взгляд на Кирилла. Кирилл нехорошо улыбнулся:

– Попа-ала!.. Тут и полтинником не обойдёшься. Тянет на все сто.

Оля мгновенно пригнулась, как от удара, и заговорила почему-то шёпотом:

– Мне бабушка столько не даст...

– Тогда распутывай сама.

Оля смотрела, как Кирилл таскает одну рыбку за другой, и у неё возникало желание расплатиться любой ценой, лишь бы придти домой с добычей. Уже давно прошло время обеда. И хотя солнце было ещё высоко, дело шло к вечеру.

– Ладно, – смиловился Кирилл, когда в клёве образовалась пауза. – Так и быть, по дружбе распутаю... за тридцатник.

– Она и тридцати не даст, – выдавила Оля. – Но я где-нибудь достану!

Оля смотрела, как проворно Кирилл высвобождал запутавшиеся петельки, и ликовала. Все-таки, какой он хороший друг! Сейчас она тоже наловит полное ведёрко.

– А хочешь, – сказала она тихо, едва шевеля губами, – хочешь я тебя поцелую?

Кирилл, не отрываясь от работы, приподнял одну бровь.

– Это вместо денег что ли? Ещё чего. На деньги я смогу что-нибудь купить. А так...

Олю обдало жаром. Она пожалела о сказанном и проговорила торопливо:

– Я пошутила.

– А... Ну, тогда смешно, – Кирилл передал Оле удочку с аккуратно смотанной на катушке леской и взялся за свою. – С тебя тридцатник.

– Я потом тебе отдам, ладно? У папы на мороженое попрошу. Они с мамой завтра придут.

Кирилл бросил на Олю взгляд исподлобья и то ли в шутку, то ли всерьёз пригрозил:

– А пожалуешься, в рабство продам.

– Как это? – удивилась Оля простодушно.

– А так. Ходят тут местные пацаны, девок торгуют...

В ту же секунду, словно на реплику, из прибрежного ивняка со стороны пляжа вывалились два подвыпивших подростка. Один повыше, в трусах, в пиджаке на голое тело, с бутылкой пива в руке. Другой в соломенной шляпе «а ля ковбой», тоже полуголый, с приспущенным до колен галстуком, с гитарой подмышкой. Тот, который с гитарой, кивая на мостки рядом с Кириллом, бросил, ухмыляясь:

– Продаёшь?

Кирилл растерянно покосился на Олю.

– К... кого?

– Не кого, а чего, малёк! Свой улов, конечно.

Другой, который в пиджаке на голое тело, остановился, осклабился.

– Постой, а ты чего подумал, а? Про неё что ль?! – пацан показал бутылкой на помертвевшую от страха Олю. – Деловой! А чо, мы могём! Покупаем, братишка?

Тот, который с гитарой, не останавливаясь, стрельнул полупьяными глазами в Олину сторону и сразу отмахнулся.

– Не пойдёт. Титьки ещё не выросли.

– Это правда, – подтвердил пацан в пиджаке на голое тело. – Не повезло тебе, малёк! Пользуйся сам. А нам, как говорится, не до сук! Мы на свадьбу торопимся. А, братишка?!

– До сук ли на-ам?! – запел дребезжащим козлитомом пацан с гитарой подмышкой.

И оба проковыляли дальше по берегу, с яростным хрустом топча и ломая отжившие мечеобразные листья рогоза.

Не успели смолкнуть звуки ломающегося под ногами пацанов сухостоя, как за спиной рыболовов снова подозрительно зашелестели ветви ивняка. Кирилл резко обернулся. В кущах густой листвы стояла незнакомая рослая девочка, примерно одного с Кириллом возраста, но уже с определившимися женскими формами. И если бы не её детские замашки, она вполне могла сойти за взрослую. Кисти её опущенных рук, были кокетливо отставлены чуть в стороны, а слегка запрокинутая голова смотрела не то чтобы надменно, но покровительственно.

– Наконец-то я тебя нашла, – обратилась она к Кириллу неожиданно высоким для её комплекции голосом, манерно растягивая слова. – Тебя зовут Кирилл?

– Ну!

– А меня – Эвелина.

Девочка вышла вперёд, осторожно ступая и почти не двигая головой, словно это была не голова, а драгоценный сосуд.

– А это что за девочка? – сказала она, указывая на Олю. – Твоя подруга?

– Нет... так... соседка.

– Ну, тогда я буду твоей подругой. Ты не против?

Кирилл пожал плечами.

– Как хочешь...

– Ты научишь меня обращаться с удочкой? – сказала она, скорее утверждая, чем спрашивая. – Я так хочу поймать кого-нибудь.

– Легко, – ответил Кирилл. – Давай свою удочку.

– У меня нет удочки. Но это ничего. Я твоей половлю. Можно? – И, не дожидаясь ответа, поинтересовалась: – А сколько ты с меня за это возьмёшь?

Кирилл изумлённо поднял голову.

– Нисколько.

– Спасибо, – сказала девочка таким тоном, будто она и не сомневалась, что интересующий её мальчик будет сговорчив. – А то мне говорили, что ты «коммерсант». За просто так ничего не делаешь.

Кирилл зыркнул на Олю.

– Кто говорил?

– Да там у нас, девчонки. У нас дачи по соседству с вашими, за перелеском. Эвелина ступила на мостки, отчего они закрипели и зашатались.

– Подвинься, девочка, – сказала она Оле и, не дожидаясь, когда та подвинется, влезла между ней и Кириллом, при этом слегка толкнув её острым локтем.

Оля потеряла равновесие, не удержалась и плюхнулась в воду. Кирилл громко рассмеялся. А Эвелина, глядя сверху на Олино падение, высказалась насмешливо:

– Какая неловкая!

Место было неглубокое, но илистое и в тине. Оля села на мягкое дно и обмерла от неожиданности, уставившись на Кирилла. И тут снова появилась синяя стрекозка, очень похожая на ту, которую недавно собиралась слопать лягушка. Она сделала круг над Олиной головой и села ей на нос.

Продолжая смеяться, Кирилл соскочил с мостков и протянул к Ольге руку. Она в ответ протянула свою. Но Кирилл ловким движением схватил стрекозку, тут же оборвал у неё крылья и стал нанизывать осиротевшее тельце на крючок.

– Фу, какая гадость! – сманерничала Эвелина.

А Кирилл демонстрировал перед новоявленной подругой своё рыболовное мастерство.

– Классная наживка! Отлеталась, синюха – сейчас большущего карася словлю!

Оля сидела по горло в воде, словно парализованная. А когда опомнилась, выскочила на берег, мокрая, вся перепачканная в иле, с тиной в волосах, подхватила свою удочку, ведёрко с тремя полужаснувшими рыбёшками и, едва сдерживая слёзы, бросилась домой.

Бабушка, увидев внучку в таком затрапезе, в негодовании хлопнула себя по бокам, схватила подвернувшийся под руку веник и пошла охаживать внучку по ногам, по мокрой попе, приговаривая: «Ой, как ты меня достала! Ой, достала, негодница! Ты посмотри, на кого ты похожа! Ну, просто кикимора!»

Оля сиганула через грядки и, юркнув мышкой в кухню, заперла дверь изнутри.

– Сейчас же открой, малоохольная! И снимай с себя всю эту мокроту! Не то всё мне перепачкаешь! Вон как вывозилась, смотреть тошно! Я вот матери-то расскажу, как ты меня доводишь! Я когда тебе говорила придти?! К обеду! А сейчас?!

– А я расскажу, как ты била меня веником! – в истерике кричала Оля. – Я ей еду принесла, а она меня – веником!

Тут бабушка не выдержала, отбросила веник в сторону, рассмеялась и расплакалась одновременно.

– Тьфу ты! Глупая девочка! Нога-то уже с лыжину, а соображения никакого! Где ж тебя черти носили, скажи на милость?!

– А ещё скажу, что ты меня оскорбляла!

– Когда это я тебя оскорбляла?! – опешила бабушка.

– А только что – назвала меня «кикиморой» и сказала, что у меня нога как «лыжина»! Уеду от тебя и больше никогда не приеду!..

Когда обе успокоились, бабушка быстро согрела воды, отмыла «кикимору», передела в сухое и, поставив перед ней тарелку с котлетой и макаронами, сказала примирительно:

– Ешь, кормилица!

И снова, не удержавшись, пошла комментировать Олину фразу про «еду».

– Чтоб эта полудохлая рыбёшка едой стала, знаешь, сколько всего сделать надо?! Ты её чистить будешь?

– Я не умею.

– Ну, то-то же. А я из-за трёх мальков не хочу канитель с готовкой разводить! Еду она мне принесла! Скажет такое! Скоро ночь на дворе, а она в мокрых трусах хороводит!

Ночью у Оли поднялась температура. Её знобило. Она металась во сне, вскрикивала. Бабушка сначала хотела вызвать «скорую», но потом решила обойтись подручными средствами. Поила молоком с мёдом, накладывала на голову холодный компресс. К утру Оле полегчало, и она заснула. Ей снился дымящийся пруд, вода в нём кипела и бурлила, как суп на плите. И по этой бурлящей поверхности как ни в чём не бывало катались, почему-то на рекламных роликах, пацаны: один в пиджаке на голое тело, другой с гитарой подмышкой. Они делали круги, крутили замысловатые пируэты и выбрасывали руки в приветствии, ну совсем, как балет на льду. Затем из воды поднималась огромная девочка с бородой из капроновой лески, она хватала «фигуристов» за ноги и, размахивая ими, как тряпками, пищала на весь пруд: «Я вас научу рыбой торговать, наглецы!» Потом прилетала стая синих стрекоз. Они кружили над кипящей водой и снова взмывали вверх, туда, где попрохладней. И снова возвращались к воде. У стрекоз облетали крылья, и, обескрылившие, они беспомощно падали в кипящую воду. И тут возникал Кирилл в сверкающей короне, с трезубцем в руке. Он помешивал им воду и кричал громогласно: «Отлетались, синюхи! Будет из вас преотличный супчик!»...

Утром приехали родители и увезли Олю домой, в Москву.

3

Через неделю Ольга принесла готовый эскиз будущего экрана-витража. Аполлонский долго рассматривал его, удовлетворённо мычал и, наконец, заговорил:

– Всё у тебя замечательно, Удальцова. И линия, и фактура, и цвет... Правда, преобладание сине-фиолета настораживает. Ну, да бог с ним! С водой это сочетается. Несколько холодновато, но сочетается. Витраж получился прозрачным... Допустим. Но вот по части содержания у меня к тебе вопросы. Почему ты разрушаешь природу, вместо того, чтобы воспевать её?

– Я?! – Ольга чуть не подавилась собственным звуком.

– Ну-ну! Ты понимаешь, о чём я говорю.

– Не понимаю.

Аполлонский сделал внушительную паузу.

– Я заметил, во всех твоих работах присутствует стрекоза со сломанным крылом. Что это значит? А на этом витраже она совсем обнаглела – вылезла на передний план и занимает столько места, что... я в растерянности. Что с тобой происходит?

Ольга криво усмехнулась.

– Не знаю, Сергей Петрович...

– Тогда убери её совсем, эту стрекозу!

– Она сама везде вылезает.

– Она что у тебя, живая? А если серьёзно, твоя стрекоза застит пейзаж. Она преломляет его в нежелательном свете, понимаешь! Заказчику это не понравится. И ещё некоторые вещи... Твои растения, не спорю, мастерски изображённые, выглядят по крайней мере странно. Это даже не растения, а какие-то замаскированные под растения... мерзкие рожи! Как будто ты перед этим Босха насмотрелась или ещё что-то в этом роде...

– Сергей Петрович...

– Не желаю слушать!

– Вы – как мама. Почему?

– Я знаю, что ты скажешь.

– Сергей Петрович, пока не поздно...

– Поздно. Назад хода нет.

– Выслушайте меня, пожалуйста! Передайте эту работу кому-нибудь другому. Хотя бы Ирке Симакиной. Она справится. У неё везде солнце, и птички поют. А у меня... не получится.

– А о чём ты думала, когда соглашалась!

– Вы сами настояли.

Аполлонский загрустил.

– У меня не получится, Сергей Петрович. И вообще... я устала.

– Что случилось?

– Да ничего не случилось, правда!

– Дома... всё в порядке?

– В идеальном.

– И с ребёнком? У тебя ведь девочка, да?

– Ксюша, – Ольга невольно улыбнулась. – И с ребёнком полный порядок. С ней мама сидит. Просто... я не могу.

– Я понимаю... тебе сейчас трудно, – Аполлонский тронул Ольгу за локоть и заглянул в глаза. – Тут дело не в «не могу», Удальцова...

– А в чём?

– Ну, ладно... Видимо, сегодня с тобой не сговоришься. Отложим этот разговор. И с документами повременим.

Выйдя на улицу, Ольга направилась к остановке автобуса, но, постояв с минуту в новеньком прозрачном павильончике, двинулась пешком. Вскоре её нагнал Аполлонский.

– Извини за назойливость. Вижу, отправилась пешком, и я с тобой прогуляюсь, не возражаешь?

– Не возражаю.

– Тебе – куда: прямо, налево, направо?

– Прямо и прямо.

– Очень хорошо. Прямой путь не всегда интересный, но... всегда ясный.

– Это вы к чему?

– Да так, для разговора.

– Вы не любите молчать? Или боитесь?

– Какая ты резкая сегодня, Удальцова.

– Я всегда такая. Просто вы не знаете.

– Да как же не знать! А сегодня – особенно резкая. Нет, люблю помолчать. И не боюсь.

Иные слова опаснее безмолвия. Но в данном случае молчание неконструктивно.

– Понятно. Будете уговаривать.

– Не буду. Можно просто поболтать о чём-нибудь не относящемся к нашей работе. Вот скажи, ты любишь читать?

Ольга саркастически усмехнулась.

– Понял. Не любишь.

– Из ничего не значащих междометий вы делаете поспешные выводы, Сергей Петрович.

– Ага, значит, любишь.

– И да, и нет.

– А это уже интересно! Почему – да?

Ольга задумалась.

– Если серьёзно, трудно сказать в двух словах...

– А почему – нет? Или также трудно...

– Да! – Ольга вдруг развеселилась.

У Аполлонского зажглись искорки в глазах, но выражение лица осталось неизменным.

– Я не случайно спросил тебя об этом. Настоящее чтение, как известно, отнюдь не развлечение, а интеллектуальная работа. Я-то как раз думаю, что ты много читаешь. И не полусветскую болтовню известных жанров, а... А поэзию ты любишь? Ну вот, например, чьи это стихи?

*Я чувствую непобедимый страх
В присутствии таинственных высот.
Я ласточкой доволен в небесах,
И колокольни я люблю полёт!*

*И, кажется, старинный пешеход,
Над пропастью, на гнувшихся мостках,
Я слушаю, как снежный ком растёт
И вечность бьёт на каменных часах.*

*Когда бы так! Но я не путник тот,
Мелькающий на выцветших листьях,
И подлинно во мне печаль поёт.*

Действительно, лавина есть в горах!

И тут неожиданно Ольга подхватила:

*И вся моя душа – в колоколах,
Но музыка от бездны не спасёт!*

Аполлонский резко остановился, вскричал:

– Не может быть! Я потрясён! Ну-ка, ну-ка, дай на тебя погляжу. И когда ты всё успеваешь?! А говорят, современная молодёжь ничего не читает! Выходит, враки! А проза? Какую книгу ты закрыла последней в этом году?

– «Идиота».

У Аполлонского даже зарумянились щёки от удовольствия.

– Выходит, я в тебе не ошибся! И это бодрит! – как любит повторять моя соседка. А изречение Достоевского о красоте тебе, надеюсь, известно?

– Что «красота спасёт мир»?

– Именно! – Аполлонский чуть не взвизгнул от восторга, но тут же настроился на серьёзный лад. – А спасёт ли? Как думаешь?

– Смотря, что понимать под красотой.

– Точнее, что Фёдор Михалыч понимал под красотой!

– Именно! – выскочило у Ольги с пародийным пафосом, но Аполлонский пропустил эту выходку мимо ушей.

– Ты знаешь, когда я учился в школе, я эту самую фразу о красоте понимал буквально. Как категорический императив, что ли... Как некий непреложный закон, которому в результате все добровольно подчинятся. Вот, мол, наступит всеобщая красота, и мир будет спасён! Смешно, правда?

– Не смешно.

– Согласен. А ведь Фёдор Михалыч указал, пожалуй, на единственно возможный путь. Но никакой непреложности, к сожалению, в этом нет. И спасение миру в обозримом будущем не грозит. Красота его обходит стороной...

– Но что такое красота?

– ...*И почему её обожествляют люди?*

*Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?*

Сильная штука – ассоциация!

– А это Заболоцкий!

– В точку.

– А откуда она берётся? Кто её создает?

– Хороший вопрос. Будь я верующим, сказал бы – Бог. Но уж никак не человек! И он заблуждается, если думает, что красота исключительно дело его рук. В нём говорит честолюбие. Красота нерукотворна. Её не создают, её открывают. Её постигают. И что такое вдохновение, как не предчувствие красоты!? Но... человек так занят приземлёнными наслаждениями, что, похоже, кроме комфорта его ничто по-настоящему не интересует. Был у меня лет эдак пять назад один ученик... Лихой, самонадеянный... Всё говорил, извини за точность: «Мне красоту навести, как два пальца об асфальт!» Глупое самомнение. Красивый дизайн – это ещё не красота. Красоту, о которой мы говорим, не наводят. Она не антураж, не средство. Она сама цель. Она не производное, она изначальное. Она вне моды, вне времени. Мода переменчива, красота вечна и неисчерпаема. Она заложена в природе, в космосе, в «музыке сфер», как

любили выражаться наши возвышенные предки... Она за пределами Добра и Зла. В ней нет контрастов, она лишена противоречий, она едина!

– Получается, пока существуют Добро и Зло, красота останется для нас недоступной?..

– Вполне возможно. Нужно новое зрение. Красота – это свет без тьмы, любовь без ненависти, дружба без вероломства... Её предназначение не украшать нашу бестолковую жизнь, а *прояснять* её! Вот что может спасти мир! Но... истинная красота – тайна. Её надо разгадать и внять ей. Повернуться к ней лицом и пойти ей навстречу. И ведь, казалось бы, и ходить недалеко – она разлита в каждом из нас, как носители космической гармонии! Человеку следует прежде заглянуть в себя...

Аполлонский остановился, потёр лоб длинными, слишком тонкими для мужской руки пальцами.

– Впрочем... как заметил философ, человека-то уже нет. Осталась одна функция! Он сделался плоским, как картинка в глянцево-м журнале. А раз так. То и заглядывать, в сущности, некуда... И вот ведь какая штука... чем дальше человек уходит от себя, тем призрачней становится его возможная связь с той неуловимой субстанцией, которую мы называем красотой, и которой, теша своё самолюбие, ещё пытаемся овладеть... Да, человека надо собирать заново!.. И я тебя прекрасно понимаю, Удальцова! Эти твои «рожи»...

– Сергей Петрович!

– Да-да, помню, обещал не трогать работу... Я всего несколько слов... Ведь что такое образы, как не преломлённые отражения наших столкновений с действительностью. И твоя стрекозка – тоже... Кстати, у того же Мандельштама есть замечательные строки о стрекозах:

*Стрекозы быстрыми кругами
Тревожат чёрный блеск пруда,
И вздрагивает тростниками
Чуть окаймлённая, вода.*

*То пряжу за собою тянут
И словно паутину ткнут,
То, распластавшись, в омут канут,
И волны траур свой сомкнут.*

*И я, какой-то невесёлый,
Томлюсь и падаю в глуши —
Как будто чувствую уколы
И холод в тайниках души...*

– А этого я не помню...

– И вот что я тебе скажу, Удальцова: есть излюбленные идеи, а бывают излюбленные раны... А с этим ой как надо бороться!.. Прости, опять не туда забрёл... Так вот – красота... Она трудно постигаема, потому что плотно окутана нашими заблуждениями... А это такой толстенный кокон, что вряд ли когда-нибудь бабочка, именуемая красотой, выберется оттуда без нашей помощи. Без моей, без твоей, без чьей-либо ещё... Ведь кто-то же должен пробивать стену и обращать слепых в зрячих! А, как думаешь?! Человек относится к красоте потребительски, он хочет пользоваться ею, как вещью. Он думает, что её можно купить, поставить в доме – и это самое распространённое заблуждение!.. Красота бесплотна, как воздух, которым мы дышим. И пока дышится, нам нет до него дела. А вот когда начинаем задыхаться – вспоминаем об экологии...

Аполлонский говорил нервно, порой сбивчиво, отрывочно, пересыпая свою речь обилием цитат, но все его слова удивительным образом нанизывались на одну забытую великую, недоступную прагматичному взгляду, идею. Он говорил о нашем беспамятстве, о современном цинизме и пошлости, о возврате к нравам средневековья, о заброшенном детстве, о духовном вакууме, о взбесившемся индивидуализме новых поборников рынка, о беззащитности простого труженика, о многом, что ломало и продолжает ломать человеческие судьбы, вопреки когда-то и кем-то обозначенному божественному предназначению человека...

Ольга слушала молча, сосредоточенно, то погружаясь в речевую стихию своего руководителя, то отвлекаясь на собственные мысли, бродившие где-то рядом...

– Я тебя не очень утомил? – опомнился вдруг Аполлонский, когда они подошли к Ольгиному дому.

Ольга благодарно улыбнулась, молча покачала головой.

– Сергей Петрович, можно задать вопрос? – спросила она осторожно.

– Разумеется.

– Почему вы меня так... опекаете?

– Как?

– Ну... выделяете среди прочих... Тратите на меня своё время...

– Ах, моё время!..

– Вот провожаете...

– Тебе это неприятно?

– Да нет же, что вы! Просто странно... Почему?

– Выделяю, потому что ты этого заслуживаешь...

– У вас есть семья? – перебила Ольга.

– Ах, вот ты о чём...

Аполлонский вздохнул, поднял лицо к небу.

– Была. Видишь ли, Оля, моя жена и моя дочь погибли... в авиакатастрофе...

У Ольги вмиг куда-то провалилось сердце.

– Давно?

– Дочери было десять лет. И сегодня ей могло быть столько, сколько тебе... И её тоже звали... Оля.

Ольга сделала шаг к своему дому, но тут же обернулась, поцеловала Аполлонского в небритую щеку, сказала тихо «спасибо» и быстро направилась к подъезду.

Аполлонский окликнул её.

– Постой, Оля! Давай поступим так... Я тебе даю неделю на раздумье. Поезжай, куда хочешь, развейся. Лучше всего – вон из города. Тебе есть куда поехать?

– Что-нибудь придумаю.

– Ничего с собой не бери. Просто отдыхай. Гуляй, глазей на природу-матушку... А?..

4

Апрель с разбега окунулся в лето. Уже с первой недели солнце пригревало не на шутку. А к концу, под Пасху, и вовсе установилась жаркая погода, какая в этих местах и в июле бывает не всегда. Земля быстро оправилась от весенней черноты – зацвела, зазеленела, заблагоухала. Потекли по стволам деревьев животворные соки. И вот уже заневестилась вишня, выставила бело-розовые бутоны яблоня, поплыл по садам сиреневый дурман.

Ольга не думала ехать на дачу. Как-то само собой получилось. Она осознала это, уже выходя из автобуса в небольшом посёлке Сенино. До дач оставалось около трёх километров. И хотя асфальт этой весной проложили до самых ворот дачного кооператива, и даже установили на дороге павильоны ожидания на остановках, автобуса почему-то пока не пустили.

Ольга с удовольствием прошла краем леса, вдоль дороги, с наслаждением вдыхая ароматы раннего лета. Ноги несли её легко и празднично, душа предвкушала нечто особенное, а сердце трепетало, как перед экзаменом.

Бабушка, как всегда копошилась в огороде. Ольга не сразу распознала её полусогнутую фигуру в старой вязаной блузе, колдующую возле навозной кучи. Конечно, на участке уже не было прежнего количества грядок и парников. Да и какие там грядки! Старые бабушкины кости ломал артроз, поясница не сгибалась, а тут ещё – диабет... Но это в городе. А здесь, на земле, как признавалась сама бабушка, под благодатным, целительным воздействием свежего воздуха и здешней воды, которая, недавно была признана областной экологической комиссией лучшей влагой земли московской, все хвори как рукой снимало.

– Внученька! – обрадовалась бабушка. – Мне тебя сам Господь послал! Только вчера о тебе думала, как она там управляется со своей учёбой?! Ой, а косички-то где ж? Потеряла? Голова как у мальчика стала. Ну, да бог с ними, с косичками! А где же Ксюшенька?

– С мамой оставила. Я ненадолго, бабуль. Развеяться надо.

Ольга крепко прижалась к бабушке, прямо пахнувшей огородом, и чуть не расплакалась.

– Ну, надо так надо... Душа, видно, мается... Отдохни.

– Я у тебя поживу пару деньков. Не прогонишь?

– Скажешь тоже! Живи хоть всё лето! Как раньше бывало...

– Всё лето не получится. К сожалению...

Разговаривая с бабушкой, Ольга невольно поглядывала на соседний участок, через дорогу.

– Да здесь он, здесь. Вчера приехал на своём раздрызганном жигулёнке. Деда привёз.

– Кто?

– Да кто ж, – усмехнулась бабушка по-доброму. – Дружок твой давешний. Аль забыла?

– А... – искусственно зевнула Ольга.

– Дед-то, слышь, совсем глухой стал. Ему: «Как здоровье?» А он: «Да на рыбалку я».

Так и разговариваем, каждый о своём, – бабушка невесело рассмеялась, поправляя съехавший на затылок платок. – Дряхлеем потихоньку... И Кирилл какой-то чудной стал. Иной раз и не поздоровается. Пройдёт мимо. Сам смеётся, а глаза неподвижные. Словно стеклянные. Как у чучела. Ну, да бог с ним, может, так и надо. А я всё ворчу по-стариковски... Да ты присядь, Оленька. А я самоварчик раскочегарю... С отцом-то выдаешься?

– Редко. В основном, по телефону общаемся. Он всё по командировкам...

Бабушка вздохнула скорбно, засуетилась у самовара.

– А мать-то как? Не болеет?

– Всё нормально, бабуль, – сказала Ольга и направилась к калитке.

– Куда же ты? А самовар?

– Пойду... прогуляюсь. Я ненадолго, бабуль. Ты... ставь самовар... Я скоро.

Выйдя за калитку, Ольга сразу столкнулась с Кириллом, словно он давно поджидал её. Слегка располневший, с заплывшими то ли со сна, то ли с похмелья глазами, он поначалу пялился на неё оценивающим взглядом, а потом выдал с дурным актёрским пафосом:

– Какие люди в нашем Голливуде! Ты что ль, Оль?!

– Я, Кирилл.

– Ёмое, привет! А я в окошко тебя увидел. Думаю, что за тёлка к Тимофевне пожаловала! Бабуленцию приехала навестить? – и он снова впился в соседку вожделенным взглядом.

Ольга не только видела, но, казалось, и чувствовала, как он мысленно ощупывал всю её фигуру, задерживаясь чуть дольше на известных местах. «Шустёр! – подумала она. – За несколько секунд везде успел побывать. И глаза у него очень даже подвижные. Бабушка не права».

– Как живёшь, Кирилл?

– Да живу. Чего мне сделается. А ты?

– Нормально.

– А чего носа не кажешь?

– Некогда... То учусь, то работаю. А то и то и другое вместе.

– На кого учимся?

– На дизайнера.

– А чо? Ничо! Модняцкая профессия. Богатенькие газоны будем обихаживать?

– Не знаю...

– А это что за хренатень? – Кирилл небрежно поддел пальцем стеклянную стрекозку на Ольгиной груди.

– Осторожно! Это мой талисман – синяя стрекозка. Сделана из капелек стекла.

– А чего крыло кривое?

– Не кривое. Оно надломлено. Так задумано, – загадочно проговорила Ольга.

– Сколько же мы с тобой не виделись?

– Лет восемь, не меньше.

– Если не больше. Да неужели это ты?! Отпад! Дай-ка пощупать! А ты изменилась... не в худшую сторону! Всё при тебе...

Ольга неловко улыбнулась, машинально сделав бессмысленный жест – потянула топик книзу.

– А помнишь, какая ты была? Коленки костлявые, шея, как у цапли! А теперь...

Кирилл беззастенчиво оглядывал подругу детства, как свою собственность. Он даже протянул руку, чтобы погладить её по животу, но Ольга грациозно отстранилась.

– Не сочиняй!

– Да чего там, не сочиняй! Точно! А помнишь, как ты меня пасла?

Ольгу передёрнуло.

– Что значит, «пасла»? Я не пастух, а ты, надеюсь, не козёл.

– О-о-о! А мы кусаемся! Кому ты мозги компостируешь! – он сказал «мозги», с ударением на первый слог. – Врезалась в меня по уши и бегала повсюду, как на верёвочке! Нет, что ль?! – самодовольно вопрошал Кирилл. – Было, помню. Было и... прошло?

– Всё проходит, Кирилл, – сухо ответила Ольга.

– А то пойдём ко мне. По коньячку и... в койку, а?

– Не слишком ли резво начинаешь знакомство?

– Не понял? Ну, ты даёшь! Звиняйте, тётка, а як вас зовуть?

– Не кривляйся, Кирилл. Той девочки, которая, как ты выразился, «пасла» тебя, давно нет. Мы же все эти годы с тобой почти не виделись. Я наверняка изменилась, как и ты. Перед тобой – незнакомая...

- И привлекательная! – вставил Кирилл не без удовольствия.
- Кто бы спорил. Да, и привлекательная женщина. А ты сразу – в койку.
- Во баба вымахала! – загоготал Кирилл. – С претензией!
- Ты о чём, Кирюш?
- Да ладно. Цену набиваешь?
- А разве я чем-то торгую?

Кирилл цинично ухмыльнулся.

– Сейчас все чем-то торгуют... А тебе сам бог велел... Или у вас, у дизайнеров, это запрещено?

Желая прекратить этот никчёмный разговор, Ольга спросила:

– Ты женат?

Кирилл испуганно дёрнулся, точно его ущипнули за живое, и ответил с непонятным напором:

– А что?!

– Ничего. Просто спросила.

– Просто?.. Да ты не бойсь. Она ни о чём не узнает, – доверительно сообщил он, наклоняясь к Ольгиному уху.

Ольгу разобрал смех.

– О чём не узнает?

– Да брось ты! Строишь из себя! Ну, как хочешь...

Кирилл выразительно сплюнул.

– И как её зовут?

– Кого?

– Жену?

– Какая разница. Жена и жена.

– А всё-таки?

– Ну, Эвелина.

У Ольги учащённо забилось сердце.

– Эвелина?! Эвелина... какое страшно знакомое имя... Это не она тогда столкнула меня в воду?

– Разве она тебя толкала? Ты сама упала.

День набирал летнюю благодать. Несколько тучек, пытавшихся сговориться на пасмурную погоду, разметал ветер. И небо до щекотки в носу сияло яркой голубизной. В той стороне, где восходит солнце, буравил небо старый «кукурузник», кругами набирал высоту, неся на своём борту очередную группу парашютистов.

– Они ещё прыгают?

– А чего им сделается. Сейчас даже чаще, чем раньше. Как говорит мой дед: «Рынок теперь повсюду, едрёныть! От него и в бомбоубежище не укроешься!» Только плати. И прыгай, кому не лень.

На крыльце Кириллова дома – лёгок на помине! – показался дедушка. Весь белый, сильно усохший, с всклокоченной головой, он казался проказливым домовым. Ольга поздоровалась. Ответного приветствия не последовало.

– Не напрягайся. Полный глухарь, – сказал Кирилл и недовольно стрельнул взглядом в сторону родственника.

Дед, сощурившись, смотрел на Ольгу, не узнавая.

– Кирюх, с кем это ты?

– С кем надо. Отдыхай.

– Не страховщица ль? – не унимался дед. – Гони её прочь! Страховать не будем! Одни расходы с энтим страхованием! Так проживём!

Кирилл энергично отмахнулся, мол, скройся с глаз, сам знаю! И добавил вслух:

– Да пошёл ты в задницу, дед! Блин, и поговорить не дадут... Оль, а давай на пруд сдернем?

Ольга по-детски обрадовалась.

– На наше место?!

– Можно. Правда, там теперь заросло, но пройти можно. И мостки сохранились.

Какое-то время они шли молча, наблюдая за парашютистами.

– У тебя-то муж есть? – спросил Кирилл, стараясь вложить в вопрос максимум непри-
нуждённости.

– Мой муж объелся груш, – ответила Ольга, провожая глазами последнего парашютиста. – Сделал ребёнка и выдохся. Да всё очень просто! Ему нужна рабыня. Чтобы было кем помыкать. А меня от этого тошнит. Я сама такая! – при этом Ольга наигранно мотнула подбородком, стрельнув в Кирилла насмешливым взглядом. – Зато у меня есть дочка. Скоро – полтора годика. Ксюша.

– Поня-ятно...

– А у вас дети есть?

– Да нет.

– Что так? Живёте пока для себя?

– Да нет... Она... ну, не может.

– Понимаю. Печально. А ты помнишь Таньку-шоколадку? Где она?

– В Бутово, в супермаркете работает. Продавщицей в кондитерском отделе. Она своего не отдаст. Слониха! Поперёк себя шире. Между прочим, Лёнька-тормоз – ейный муж.

– Да ты что, правда?! Как интересно!

– Ну! Технарь. В автосервисе работает. На Варшавке. Я у него пару раз ремонтировался. Такой же «тормоз». Но в тачках волокёт, собака. А ведь был такой глазохлоп, одни сопли...

– А ты помнишь, как тебя в детстве звали?

Кирилл сделал вид, что не помнит.

– Не помнишь?! «Коммерсант»? А чем ты сейчас занимаешься?

Кирилл помрачнел.

– Да так... Гоню контрафакт. Диски продаю.

– Откровенно. Значит, торгуешь фальшивкой.

– Ну, почему сразу – «фальшивкой»!

– Так ведь пиратствуешь. Качества-то нет.

– Насмотрелась по телику!.. Динамят они нас! Лапшу на уши вешают таким вот легковерным, как ты! Хотят людям последний кислород перекрыть! Сами распахнули двери в капитализм, сами быстренько нахапали, а теперь... усмиряют, блин! И вообще... что ты в этом понимаешь!

– Понимаю, Кирюша, представь себе. Я ведь тоже одно время контрафакты покупала.

– И что?

– Ничего хорошего. Загубила два интересных проекта. Долго пришлось восстанавливать. Так что дело не в легковереии, а во взглядах.

– В каких ещё взглядах?

– На жизнь. Как говорит моя мама, одним подавай только пирожное, а другие солёным огурчиком довольствуются. Ой, да какая разница!

– Нет уж. Ты спросила, я ответил. Честно ответил.

– Честно ответил, что нечестно живёшь, – выдала Ольга язвительный каламбур.

Кирилл побледнел, остановился. Ольга спохватилась – явно переборщила. Получилось – мораль читает.

– Извини, Кирилл. Перебор. Живи, как знаешь. Что мне до этого...

– Нет, ты погоди! Послушай! На меня, веришь, какие ребятишки работают?! Классные ребятишки! Все с высшим образованием! Не то, что я, лох недобитый. У них аппаратура – зашибись! Здорово получается. Нет, правда! Не отличишь от лицензионной!

– Вот я и говорю, пиратствуешь.

– Да, пиратствую, чёрт побери! Каждый зарабатывает, как может. А я, хоть и считаю денежку, по натуре – авантюрист! Понимаешь ты это?! Я, если хочешь, романтик в бизнесе! Да, настоящий пират! Сегодня – всё, а завтра – ничего!

– Похоже, ты гордишься этим.

– Да чего там, – Кирилл с чувством пнул ногой по разлапистому одуванчику. – Жить-то надо! Ты знаешь, сколько раз я начинал всё сначала? Чем только ни торговал! И водами-соками! И постным маслом! И сигаретами! И женскими трусиками! И водярой, чтоб она..! Такой гимор! – никому не пожелаю. Тому – дай. Этому – дай. А то и не спрашивали, в наглую отбирали! Тебе, видно, крылышек ещё не обрывали...

– Обрывали, Кирюша. Ещё как обрывали. Но у меня новые выросли. Такая уж я...

– Дура, хочешь сказать? – прервал Кирилл.

Ольга громко расхохоталась, чем испугала собаку за глухим забором: та, как с цепи сорвалась – истошно залаяла, заскреблась, забила о дощатую преграду.

Ольгин смех сразил Кирилла, по его бледному лицу пробежала беспомощная улыбка.

– Что-то я сегодня много смеюсь – не к добру. Ты не обижайся, Кирилл. Я не то хотела сказать. Трудно сразу найти общий язык, когда годами никак не общаешься...

– С чего ты взяла, что я обижаюсь? Пожалуйста, смейся, говори. И вообще, кто нам мешает общаться... Да чего там! Да, торгую фальшивкой! И сам стал какой-то фальшивый...

– Только давай без самоедства, друг мой. Всё обязательно утрясётся.

Ольга коснулась Кириллова плеча, успокаивающе провела ладонью по его руке до локтя. Рука Кирилла мгновенно, как сыпью, покрылась гусиной кожей. Он взглянул на Ольгу порывисто, коротко, и в его зрачках матово блеснула какая-то неизбывная тоска...

Ольга взмахнула руками и, отбросив спадающие босоножки, крикнула: «Догоняй!» Кирилл поначалу дёрнулся, но тут же сник, замедлил шаг.

Вскоре они миновали торговую палатку и вышли за пределы дачного кооператива. Узкой тропкой, изъеденной овражками, преодолели заросли березняка и очутились у одичавшей кромки пруда, как раз в том месте, где Ольга впервые увидела синюю стрекозку.

Она ходила кругами по отчаянно знакомому и уже чужому пятаку, раскрыв руки, и с непонятной тоской на сердце оглядывала каждую былинку. Здесь царила неестественная тишина. Даже с местного пляжа, оглашавшегося прежде детскими криками, несмотря на жару, не доносилось ни единого звука, словно все вымерли. По всему было видно, что в этот заброшенный уголок земли уже давно никто не забредает. Старые вётлы, некогда росшие за спинами юных рыболовов и защищавшие их от ветра и солнца, чернели теперь в траве поверженными стволами, а на их месте выросли другие, помельче и погуще. Трава – по пояс, воды почти не видно – всё покрыто сплошь жёлто-зелёной чешуйчатой коркой ряски. Полустгнившие мостки утопают в кудрявой пене водорослей. И только в одном месте, правее мостков, куда Ольга плюхнулась девятилетней девочкой, мистически чернеет водное окно...

– А ты сюда ходишь? – спросила Ольга, в надежде на положительный ответ.

– Да был пару раз... А чего здесь делать! Сама видишь...

– А змеи тут водятся? – пришло ей вдруг в голову, и она инстинктивно подалась в сторону Кирилла.

– Раньше ты не была такой боязливой, – заметил Кирилл, приобняв Ольгу за талию. – Ужей навалом. А чтоб какие другие... не знаю. Не видал.

И тут Ольгино внимание привлекло лёгкое движение над тёмным пятном на воде. Оно было призрачное, едва заметное, сверкнувшее, как звездочка. Ольга присмотрелась... Да, это была она! Синяя стрекозка! Не может быть! В это время?! Она кружилась над тёмной лунной воды, что-то высматривая... Одинокая синяя стрекозка с отливающими перламутром крыльшками...

Ольгу как что-то толкнуло изнутри. Она сорвалась с места и с криком «Это она! Я здесь! Я здесь!» прыгнула на ветхие мостки. Мостки тут же подломились под ней, и она с шумным плеском и визгом, разбудив томящиеся в полусне окрестности, обрушилась в воду.

Синяя стрекозка не испугалась. Наоборот, как показалось Ольге, подлетела совсем близко, прошелестела крыльями у самого её уха, будто-то что-то шепнула, и, сделав над разрушенными мостками большую восьмёрку, растворилась в дымящемся от жары и света воздухе, словно её и не было...

Кирилл не сразу понял, что произошло. А когда понял, бросился к Ольге, протянул руку... Но она уже не нуждалась ни в чьей помощи. Ловко выскочив на берег, она хохотала до истерики, разбрасывая в разные стороны обрывки водорослей.

– Кирюш, а, Кирюш, не хочешь искупаться?! Вода, как молочный суп!

– Ну, ты ненормальная...

– А теперь не смотри! – приказала Ольга и, зайдя в высокую траву, принялась снимать с себя мокрую одежду. Выжав топик, она расстелила его на земле, бережно положила на него свой талисман. Затем быстрым движением сняла шорты и оказалась, к удивлению Кирилла, совершенно голой. Она сделала это так просто, так естественно, словно была у себя дома, одна, без посторонних.

Кирилл, не успев отвернуться, теперь уже не желал этого. «Зов марала» возобновился в новом качестве. Он во все глаза пялился на Ольгу и, сам того не сознавая, шёл на сближение с ней, повторяя незамысловатую фразу: «А ты ничего, в порядке... Всё у тебя на месте...».

– Надеюсь, – отвечала Ольга, выжимая шорты. – А у тебя чего-то не хватает? Ты говоришь об этом сегодня не впервые.

– Почему не хватает?.. Чего не хватает?.. – бубнил Кирилл, как во сне. – А... юмор... понимаю... У меня всё на месте... Можешь убедиться...

– Не надо. Верю на слово.

Ольга подняла голову.

– Ой! Я же просила не смотреть, Кирилл! – воскликнула она, прикрывая шортами грудь и неловко улыбаясь.

Но Кирилл был уже совсем рядом – стоило руки протянуть. И он их протянул, схватил Ольгу за талию, облапил всю, тяжело дыша, обливаясь потом, затем повалил на землю и стал мять, как глину. И если бы «ваятель» проявил бережность к предмету своего вождения, и если бы им руководило в этот момент ещё что-то, кроме вождения, он бы достиг цели... «Скульптура», отдавшись поначалу на волю рук «мастера», вдруг почувствовала грубость и стала сопротивляться.

– Что ты делаешь, Кирилл! Мне же больно!

– Да ладно, – хрипел Кирилл в иступлении. – Вспомни детство... как ты хотела меня поцеловать... Ну вот... целуй!.. Хотела ведь, да?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.